

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

НАГАН

ИЛИ
НЕТ ЖАЛОСТИ
ВО МНЕ

Владимир Григорьевич Колычев
Нет жалости во мне
Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»
Серия «Колычев. Русский шансон»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=249262

Владимир Колычев Нет жалости во мне: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-38532-4

Аннотация

Не был Алик ни хулиганом, ни задирой. Но так уж вышло, что он и двое его верных друзей не на того наехали. Был бы Игорь простым пацаном – другое дело, а он оказался бандитом из «черняховской бригады». И все, как всегда, из-за девушки... В итоге Алик избит до полусмерти, а один из его друзей застрелен. Оружием возмездия становится старый отцовский наган. Трое из «черняховской бригады» мертвы, а вот на Игоря у Алика не хватило патрона... Следующий раунд состоится через десять лет строгого режима. Из тюрьмы Алик выйдет совсем другим человеком – без друзей, с одним-единственным врагом и новым прозвищем – Наган...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	42
Глава 4	59
Глава 5	68
Глава 6	88
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Владимир Колычев

Нет жалости во мне

Часть первая

Глава 1

Глиняный комок лениво шлепнулся в мутную воду, хлопнул и пошел на дно. Речка мелкая, извилистая, один берег пологий, другой обрывистый. Грязный целлофановый пакетик зацепился за сухую разлапистую корягу – болтается по воде, но уплыть не может. Рваная крышка, обрезок резинового сапога, банка из-под краски, сплющенное ведро, кочан гнилой капусты – типичный натюрморт для речного берега городской окраины. И мазутные языки на воде здесь явление привычное.

Река, склонившаяся над ней ива, прибрежный камыш – все естественно, но безобразно. Потому что вода грязная, дерево пыльное, с ободранной корой, камыш сухой, изломанный. Так же и с Катькой: вроде бы все с ней в порядке – и на лицо ничего себе, и бюст полновесный, бедра широкие, ноги сильные, а между ними тепло и мягко. Словом, естественно все, но не очень приятно. Затаскана Катька, измята чужими

ветрами. Она лежала на берегу в траве под кустом жимолости, тень от которого не могла скрыть ее срамную наготу. Одна рука под головой, другая на весу, и в ней дымится сигарета, ноги согнуты в коленях, одна заброшена за другую. Со стороны глянуть на нее – и сердце екнет, и все, что ниже. А когда рядом, так и смотреть неохота. Впрочем, Алик и не любовался ею, он сидел рядом, спиной к ней, и скучающе бросал в реку камушки. Он уже получил свое, и Катька ему больше не интересна.

– Алик, а куда мы пойдем сегодня вечером? – выдув табачный дым ему в спину, спросила она.

Он сделал вид, что не услышал ее вопроса. И головы к ней не повернул.

– Исккупаться хочешь?

– В этой вонючке? – недовольно протянула она.

– Ну, я же купался.

– Когда?

– Сейчас.

– Не видела.

– А тут не видеть, тут понимать надо.

Катька глупа, как пустоголовая говорящая кукла. Потому и гуляет напропалую, и спит со всеми, кому хватает наглости затащить ее в кусты. Потому и не понять ей, что не в реке искупался Алик, а в ней самой, в ее сточных водах. И с него хватит: дважды в одну речку-вонючку он входить не станет.

– Ну, так куда мы сегодня пойдем? – по простоте своей

настаивала она.

– А куда ты хочешь? – пренебрежительно усмехнулся он.

Может, Катька не такая уж и глупая, какой кажется; возможно, просто прикидывается душой, но как бы то ни было, ему с ней не по пути.

– Ну, на дискарь, куда ж еще!

Она жила в новом микрорайоне, по соседству со старым кварталом, где обитал Алик. Он иногда видел ее на дискотеке, но даже не пытался брать ее в свой объектив. Если она чем-то и отличалась от обычных девчонок, то лишь тем, что снималась налево и направо. То с одним «фотографом» под ручку, то с другим. Одним словом, переходящий вымпел, который сегодня достался Алику по чистой случайности. Взяли с Эриком «Жигулевского», отправились к реке побаловаться пивком, по пути встретили Катьку с подружкой, разговорились, утащили девчонок за собой. Когда трехлитровая банка опустела, Эрик увел Ирку; сказал, что сходит с ней за пивом. А на прощание незаметно подмигнул Алику – дескать, не зевай...

Эрик уже третий час пропадает со своей подружкой, где – вопрос, которым Алик особо не задавался. Как и не пытался выяснить, он совратил Катьку или наоборот. Главное, что получил удовольствие, и теперь можно было помахать ей ручкой.

– На дискаре у тебя и без меня хорей хватает, – хмыкнул он.

– Каких это хорей? – возмущенно протянула Катька.

– Ну, видел я тебя с пацанами. Одного Толиком звать, другой – Петро, кажется. А остальных я мало знаю...

– Ну, видел ты меня с Толиком, и что? Он домой меня провожал, разве нельзя?

– Да можно, – он беспечно пожал плечами.

– Ты что, к Толику меня ревнуешь? – с надеждой спросила Катька.

– Ага, аж зубы сводит.

– Зубы беречь надо. – Судя по ее тону, юмора она не заметила.

– Вот я и думаю, может, мне к стоматологу сходить вместо дискаря, а?

– Так ты с моей мамой познакомиться хочешь? – просияла девушка.

Алик недоуменно вытянулся в лице и посмотрел на нее большими глазами.

– При чем здесь твоя мама?

– Ну как же – она у меня стоматолог.

– М-да, – парень озадаченно почесал затылок.

Возникло вдруг такое ощущение, будто сам себя в ловушку загнал. Хотя, конечно же, он свободен как шальной ветерок.

– Ну, так что, ко мне домой пойдём? – продолжала глупить Катька.

– Может, ты меня лучше с Толиком познакомишь? – разо-

злился он.

– Зачем с Толиком? – опешила она.

– Ну как это зачем! Узнать, под какими кустами он тебя домой провожал, под этим или под каким-то другим, а?

– Не было никаких кустов! – густо покраснела девушка.

– Ты еще скажи, что я у тебя первый, – презрительно фыркнул Алик.

– Э-э... Да, первый...

– Кого ты лечишь? У тебя там целое стадо протопталось!

– Ну, не стадо... Было там с одним... – замялась она. И, собравшись с духом, выпалила: – Но ты первый, в кого я влюбилась!

– Чего?! – возмущенно скривился он.

Легче было поверить в то, что журчащая рядом речка-во-нючка входит в первую сотню самых живописных мест мира, чем в ту чушь, которую несла Катька. Какая могла быть любовь, если эта дура дает всем кому не лень? Захотела с Аликом – пожалуй-ста, легла и раздвинулась, как последняя шлюха... Почему как?

– Я тебя еще в прошлом году на дискаре заметила. Все ждала, когда ты подойдешь...

Ее голос дрожал от обиды, но вместе с тем в нем угадывалась надежда, что Алик проглотит ушами эту лапшу.

– Долго ждала, – поднимаясь, насмешливо сказал он.

– Долго не долго, а дождалась.

– Ну, тогда еще немного подожди. Вдруг еще раз подойду!

За спиной, в нескольких шагах от кустов, по тропинке проехал велосипедист: шорох колес, шелест задетых им веток. Но Алик не обратил на него внимания. Даже если это была женщина, ему все равно, заметила она, что он голый, или нет. Если заметила, нечего подглядывать. А если разглядела Катьку, то ему и вовсе нет до этого дела. Эка невидаль, потаскуха без трусов...

– Ты что, уходишь? – всполошилась девушка.

Алик молча натянул джинсы и пренебрежительно усмехнулся, глядя, как одевается она. Когда оголялась, было веселей, потому как снизу подпирало, а сейчас почему-то вспомнился бородатый анекдот. Старая жена приехала из-за границы и стала рассказывать мужу о том, как ходила в стриптиз-бар. Отвратное зрелище, а он говорит – покажи. Она разделась под музыку, потрянув рыхлыми телесами. Да, действительно, сказал муж, зрелище омерзительное... Катька хоть и молодая, и не очень пышная телом, но кожа у нее какая-то сухая и шероховатая, местами плотная, как хлебная корка – неприятно на ощупь, да и на вид... Нет, лучше не смотреть, как она застегивает бюстгальтер.

Ответа она не дождалась, а когда Алик двинулся прочь от нее, устремилась за ним. Он шел в сторону своего квартала, а ей нужно было идти к себе домой, но Катька упорно преследовала его, как банный лист прилепилась. В конце концов, он не вытерпел, остановился, как норовистый конь, развернулся к ней лицом. Копыта у него не было, чтобы ударить им

в землю, но язык с привязи соскочил.

– Ну, и какого хрена ты за мной прешься? – озлобленно спросил он.

– Я... Я хочу с тобой, – хлюпнув носом, растерянно про-
бормотала Катька.

– Да ты со всеми хочешь!

– Нет, только с тобой.

– А я не хочу! Потому что ты шлюха! Пошла отсюда!

– Ну, Алик...

– Я сказал, пошла!

Он резко повернулся к ней спиной и быстрым шагом про-
должил путь.

– Все равно ты мой! – крикнула ему вслед Катька.

Но Алик лишь пренебрежительно махнул рукой. У этой дуры мозги на передок завязаны, потому и моросит всякую ересь. Мокнет у нее часто и сильно, вот ей и хочется всех парней к рукам прибрать. Одно слово, нимфоманка.

Алик облегченно вздохнул, когда понял, что избавился от случайной подружки. Катька осталась на пустыре между старым и новым кварталами, а он скрылся в лабиринтах узких, неприглядных улочек.

Трехэтажный дом с облупленной штукатуркой стоял на высоком, опасно треснувшем в нескольких местах фундаменте, пыльные покосившиеся окна, темная, до рези в глазах пропахшая мочой подворотня, три старых тополя во дворе-колодце; древние старушки на скамейках у подъездов –

ни дать ни взять ровесницы, а может, и соратницы давно почивших в бозе революционеров. Им самим уже прогулы на кладбище ставят, а они все городские сплетни своими беззубыми ртами пережевывают. Алик посмеивался над ними – когда про себя, а когда мог и словом оскорбить их сгоряча. Но при этом он готов был начистить вывеску любому со стороны, кто посмел бы обидно подуть на этих «божьих одуванчиков». Ведь это был его двор, и в этом доме он жил с самого рождения.

Старушки собрались в кучку возле первого подъезда, а у второго он увидел своих друзей. Эрик был уже без Ирки. Куда он ее дел: домой отправил, съел или закопал – это Алика совершенно не волновало. Главное, Эрик свободен, так же как и он сам. И Валек с ним, что также отрадно. Сегодня суббота, в клубе танцы – можно взять пару «огнетушителей», принять на грудь и хорошенько повеселиться.

– О! И Алик уже отбомбился! – расплылся в улыбке Эрик.

Зубы у него крупные и, как показала жизнь, крепкие. Сколько раз дрался, сколько раз на кулак нарывался, а все у него во рту целехонько. Зато у Валька правого верхнего клыка нет – с качком каким-то в «бурсе» не поладил, навесил ему горячих, но и сам без зуба остался, такая вот история.

Эрик такой же прочный и коренастый, как и его зубы. Среднего роста, плотный, мощная шея, мускулистые руки, ноги короткие, но сильные – стоит на них он крепко, основательно. Взгляд у него насмешливо-дружелюбный, но ес-

ли разозлится, может насквозь прожечь им: есть в нем какая-то глубинная сила. Массивная голова, круглое открытое лицо, светлые вьющиеся волосы, глаза красивого василькового цвета – девчонки слетаются на них как бабочки на огонек. Алик ничуть не сомневался в том, что Эрик смог сегодня раскрутить на любовь свою Ирку.

Алик и сам нравился девчонкам. Черные как смоль волосы, смугловатая кожа, четкие черты лица, темно-синие глаза, пронзительный взгляд. Ростом вроде бы удался, но телом не сказать что вышел: худой, руки-ноги тощие, и кулаки не ахти какие, потому как пальцы длинные и тонкие, как у музыканта. Когда-то он даже на фортепьяно играть учился – мать настаивала. К счастью, вовремя одумался, увлекся карате, чтобы хоть как-то компенсировать телесную немощь. Худоба, правда, так никуда и не делась, и до черного пояса не дорос, но кое-чему все же научился. А со временем и в уличных драках поднаторел. Район у них беспокойный, то с одними приходится объясняться, то с другими.

Хоть и был он худощав, но с девчонками у него все было без особых проблем. Другое дело Валек. У него беда покруче: парень страдал ожирением. Глазки маленькие, а щеки как у объевшегося бурундука. Шея толстая, жирная грудь тяжело и безвольно провисает, как у старой бабы, безразмерная талия, живот как у типичного носителя так называемой зеркальной болезни – когда без зеркала собственных яиц не увидишь. Казалось бы, с таким весом еле ноги будешь пере-

двигать, но Валек отличался повышенной подвижностью, и энергия била из него фонтаном. По утрам он бегал трусцой, днем насиловал штангу в спортзале профтехучилища, вечерами, когда была возможность, разгонял жирок на танцплощадке. Он, как мог, боролся со своим весом, только, увы, ничего не помогало. Но в отчаяние его погружало не только это. Дело в том, что Валек безнадежно влюбился, именно поэтому сейчас он был хмур, как дядя Витя с тяжелого бодуна.

– Ага, отбомбился, – ухмыльнулся Алик. – Только секс-бомба потом за мной гонялась, еле ноги унес...

– Чего так?

– Влюбилась, говорит!

Только что Алику было противно думать о Катьке, а сейчас ему нравилась мысль, что та в него влюбилась. И все потому, что его распирало мальчишеское желание распавлинить хвост перед друзьями. Какой герой – и девку в себя влюбил, и оприходовал ее в кустах!

– Так что, жениться будешь? – весело поддел его Эрик.

– Как бы уж!

– А я бы женился, – угрюмо буркнул Валек.

– На ком, на Катьке?

– Или на Ирке? Она тоже сразу дает!

– Сами на своих давалках женитесь!.. Саша не такая...

– А чем она сейчас с этим фраером занимается, твоя Саша? – неосторожно спросил Эрик.

– Что ты сказал?! – вскинулся Валек.

И так посмотрел на него, что даже Алику стало не по себе.

– Да ладно тебе, ладно, – смущенно улыбнулся Эрик. –

Чай с ним твоя Саша гоняет!

– С кем с ним? – спросил Алик.

Сашка появилась в их дворе в конце прошлого года. Приехала откуда-то с Севера, вместе с матерью поселилась в однокомнатной квартире. Симпатичная девчонка – смазливое личико, изящная фигурка, и все у нее длинное – волосы, ресницы, ногти, ноги. И самомнение, видать, в длину пошло, то есть в рост. Ходит как принцесса, никого вокруг себя не замечает, как будто так высоко вознеслась, что не видать, кто под ногами копошится. Да и зачем на кого-то смотреть, если ясно и так, что в этих трущобах принцев нет?

– Да подъехала тут на моторе с одним фанфароном. Сама вся из себя, и этот – пуп земли типа. Здоровенный такой, мышцы на руках с пудовую гирю, а на шее голда вот такенная! – Эрик вытянул указательный палец, показывая, какой ширины была золотая цепь на шее Сашкиного кавалера.

– Что, крутой? – с показным пренебрежением скривился Алик.

– Да какой там крутой! – брызнул слюной Валек. – Обычный качок! Павлин самовлюбленный! Знаю я таких! Расфуфырятся и ходят, как индюки, пока под зад не пнешь!

– Так пни под зад, в чем проблема? – Алик посмотрел на него с дружелюбной улыбкой, но вместе с тем сочувствующе.

Он ничуть не сомневался в том, что шансов у Валька нет.

Сашка заканчивает школу – совсем уже взрослая девушка, а с ее внешностью она сама может выбирать себе кавалера. И она сделала свой выбор – увы, не в пользу Валька. А если ее качок вдруг исчезнет, она найдет себе другого парня, и, как это ни печально, Валек снова окажется в пролете – тут и пасьянс раскладывать не надо.

– Сейчас выйдет и дам! – напыжился Валек.

Был у него такой пунктик – не любил он качков и всяких там атлетов. Об аполлоновских и геракловских стандартах тела он мог только мечтать, поэтому завидовал тем, кто мог хотя бы близко подойти к ним. Злился при этом он не только на качков, но и на себя. Эта злоба толкала его на беговую дорожку и в спортзал, но толку от этого, увы, не было. А кому-то повезло. И этот кто-то сейчас у Сашки в гостях. Хорошо, если ее мама дома, а если нет?..

– А если уже поздно?

– Что поздно?

– Ну, может, они там уже того?

– Заткнись! – рыкнул Валек.

– Все, все, молчу!

Алик с опаской прикоснулся к его плечу, как будто это была подошва раскаленного утюга. И даже не удивился, когда Валек зашипел на него.

Пришлось хорошенько подождать, прежде чем Сашка появилась в сопровождении своего кавалера. Она действительно была вся из себя: пышная прическа, накрашенные глаза,

губы в сочной помаде, модная блузка, белые джинсы, босоножки на высокой шпильке, изящная походка от бедра – даже выбоины в асфальте под ногами не мешали ей легко фланировать.

И ее парень, надо сказать, производил впечатление. Короткая стрижка, ладное лицо с гладкой и на удивление нежной кожей. Нос большой, с горбинкой, но это нисколько не портило его внешность. Пожалуй, даже шло ему – так же как широченные плечи в гармонии с тонкой талией. Он не шел, он себя подавал – как будто на подносе. Смотрите, какой я красивый и сильный. Смотрите и бойтесь... А ведь он уверен был в том, что всех встречных должна пугать его могучая стать. Только Валек не дрогнул перед ним и решительно перегородил им с Сашкой дорогу.

– Ну, чего тебе? – недовольно поморщилась девушка.

Но Валек на нее и не смотрел: все его внимание занимал враг.

– Ты кто такой?

Он пытался произвести на парня угрожающее впечатление. Нахмурил брови, выпятил грудь, подобрал живот. Но если выражение его лица еще могло говорить о серьезности его намерений, то из-за особенностей строения своего тела он выглядел комично. Как он ни тужился, живот все равно выпирал, а жирная грудь беспомощно лежала на животе. Атлет оскорбительно усмехнулся, глядя на него:

– Я что, перед каждым жиртрестом должен отчитываться?

– Тебя что, не учили отвечать за слова? – От волнения Валек тяжело дышал, со лба на подбородок скатилась крупная капля пота.

Алику откровенно было жаль его. И сейчас он готов был наброситься на качка только за то, что тот посмел смеяться над его другом. И Эрик тоже угрожающе свел к переносице брови, крепко сжал пудовые кулаки.

– А кто с меня спросит? Ты, что ли?.. – презрительно хмыкнул атлет. И обвел взглядом троицу. – Или вы все вместе?

– Игорь, пойдем!

Сашка порывисто взяла его под руку, чтобы вместе с ним обогнуть препятствие, но Валек снова встал у них на пути.

– Ну, знаешь! – капризно вспылила она.

– Знаю! Что со всякими козлами ходишь, знаю!

– Я не знаю, кто козел, но ты, Валя, свинья!

На оскорбление из ее уст Валек ответить не смог. Но всю свою обиду перенес на качка:

– Ну, чего стоишь? Пошли выйдем, раз на раз поговорим!

– Раз на раз – это как, всемером против одного? – нервно усмехнулся Игорь.

И не очень весело посмотрел на внушительного Эрика. Валек его не пугал, да и Алика он, похоже, всерьез не воспринимал, но их друг заметно его беспокоил.

– Зачем всемером? – скривился Валек. – Я сам тебя размажу! Ну что, пойдем?

Игорь струхнул, не захотел идти с ним в скрытое от посторонних глаз место, где запросто, по его мнению, можно было получить нож в бок. Но испуг его выразился не в бегстве, а в подлом ударе, которым он попытался сбить противника с ног. Он коротко, без замаха двинул Валька кулаком в подбородок. Расчет был прост – вывести парня из игры и уйти с гордо поднятой головой. А если вдруг завяжется драка, кто-нибудь – ну, может быть – вызовет милицию или даже разгонит дворовую шпану.

Качку не удалось избежать драки, но вовсе не потому, что Алик и Эрик вступились за своего друга. Валек пропустил удар, но устоял на ногах. И тут же набросился на своего удачливого соперника – сгреб его в охапку и вместе с ним рухнул на землю.

Даже при своих габаритах Валек заметно уступал противнику в массе – в жировой против мышечной и вообще. Но в нем горело желание наказать за Сашку – это проявилось в той неистовости, с какой он обрушил на Игоря град ударов. Парень пытался защищаться, но Валек сумел оседлать врага и погасить его сопротивление. Он бил соперника по лицу кулаками, локтями, даже головой...

Сначала Сашка смотрела на эту сцену ошалевшими от удивления глазами. Она не понимала, как так могло случиться, что презируемый ею толстяк смог справиться с красавцем-культуристом, один вид которого должен был повергнуть в ужас и самого Валька и его друзей. Но, в конце концов,

до нее дошло, что ненаглядный Игорек мало-помалу превращается в отбивную котлету, а «повар» и не думает останавливаться.

– Хватит! – возмущенно взвизгнула она и набросилась на Валька со спины.

И даже успела ударить его кулачком, прежде чем Алик, обхватив за талию, выдернул ее из эпицентра.

– Пусти!

Она барахталась, пытаясь вырваться, но Алик легко удерживал ее в своих объятиях. Руки у него хоть и тонкие, но сильные.

– Он же его убьет! – воззвала к нему Сашка, осознав, что с ним ей не справиться.

А может, ей просто расхотелось сопротивляться.

– Валек, хорош! – крикнул Алик. – Сашка сказала, что она теперь любит тебя!

– Слышишь, она тебя любит! – со смехом добавил Эрик.

Но к этому времени Валек уже остановился. Встал на ноги, для острастки пнул Игоря ногой в бок. Мрачно, исподлобья глянул на Сашку, что-то буркнул себе под нос и, сунув руки в карманы брюк, направился к своему подъезду. Дело сделано. И хотя соперник не добит, со спины прикроют друзья – так он думал или нет, но поле боя он покинул с видом триумфатора, не воспользовавшегося плодами победы. А может, он надеялся, что Сашка побежит за ним, повиснет у него на шее, будет клясться в вечной любви...

Сашка же и не думала изображать из себя венок на шею победителя. Она вообще не глядела в его сторону. Большими от ужаса и удивления глазами она смотрела на поднимающегося с земли атлета. Вид у парня был настолько жалкий, что даже она не думала о возможном реванше. Вряд ли она презирала его за поражение, но с земли подняться ему не помогла. Более того, она так и стояла в обнимку с Аликом, хотя он уже и не удерживал ее. Его рука покоилась у нее на талии, а она даже не пыталась отстраниться: стояла как вкопанная и заворуженно смотрела на Игоря.

Атлет рукой размазал по лицу кровь из разбитого носа, пошатнувшись, глянул на Эрика, перевел взгляд на Алика и Сашку. Злоба распирала его, требовала выхода, но парням нагрубить он побоялся, зато собственная девушка оказалась ему удобной мишенью.

– Ну, чего уставилась, коза? – с жалким презрением обиженного человека выпалил он. – Смешно, да?.. Когда раздвигалась, тоже смешно было?

– Что делала? – задыхаясь от возмущения, протянула Сашка.

– А то самое! Со мной!.. Потаскуха!..

– Ну, ты и козел! – взвился Алик.

Возможно, Сашка и впрямь вела себя как шлюха. Привела в дом стероидного красавчика, легла под него. Но ведь об этом вовсе не обязательно было кричать на весь двор. Так мужчины себя не ведут...

О том, что совсем недавно он сам оскорбил Катю, назвав ее шлюхой, он подумал, когда Игорь уже выл от нестерпимой боли. Слишком сильным оказался удар, которым утомил его Алик. Ногой в промежность – такого себе не пожелаешь...

– Вали отсюда, урод! – рыкнул Эрик.

Он даже оттянул назад ногу, чтобы пнуть атлета под зад, но передумал. Парень хоть и держался на ногах, но, по сути, находился в положении лежачего, а таких не бьют – во всяком случае, на глазах у дам, и уж тем более «не дам»... Судя по всему, Сашу можно было отнести к промежуточной категории – «дам, но не вам».

Не разгибаясь, Игорь шагнул к подворотне, правой пятерней зачем-то скребнул по земле – как будто в поисках увесистого булыжника. Камень под руку не подвернулся, но слова на язык заползли.

– Козлы... Всемером одного не боятся... – озлобленно процедил он сквозь зубы.

– Да тебя раз на раз сделали, придурок! – рассмеялся ему вслед Эрик.

Атлет молча проглотил оскорбление, доковылял до подворотни и уже оттуда погрозил кулаком. На что Алик также показал ему кулак – на согнутой в локте и «перерубленной» ладонью руке.

– Вот чмо! – презрительно сплюнул себе под ноги Эрик.

– Не то слово! – хмыкнул Алик.

И как бы невзначай обвил рукой талию стоящей рядом девушки. На какие-то мгновения она прильнула к нему, но, спохватившись, отпрянула. Причем одновременно с ней ша-рахнулся в сторону и он сам: вспомнил, что в Сашку влюблен его лучший друг; и обниматься с ней – предательство.

– Где ты такого крутого откопала? – насмешливо спросил Эрик.

– А он в самом деле крутой, – Сашка хмуро свела брови к переносице.

– Да мы видели, какой он крутой, – хмыкнул Алик.

– А вы зря веселитесь, – вразумительно и вместе с тем с интересом посмотрела на него девушка. – Он из черняховской бригады...

– Да ладно! – в замешательстве махнул рукой Эрик.

Алик тоже крепко задумался, потому как знал, о чем шла речь.

Еще год назад в городе мало кто знал об этой бригаде. Несколько спортсменов-боксеров с Черняховской улицы сбились в стаю под началом своего друга, отмотавшего срок, и, как говорится, начали делать дела. Как там у них все шло поначалу, было не очень ясно, но очень скоро они подмяли под себя всю Промзону, прибрали к рукам Западный район, взяли под контроль центр города. Бригада славилась своей жестокостью, поэтому Алику стало не по себе.

– Не похоже, что из бригады, – уговаривая себя, мотнул он головой. – Все черняховские на тачках ездят. А ты с ним,

говорят, на такси подъехала... Может, он из этих, из сочувствующих?

Алик одно время и сам «сочувствовал» бригаде Лешего, которая держала масть в их Западном районе. Приходили к ним в квартал гонцы от бандитов, набирали толпу для массовых разборок. И он сам тогда вызывался, и Эрик с ним был, и Валек. Однажды дело даже до настоящего побоища дошло – стенка на стенку, заточки, арматура, цепи... На боку остался шрам от острого прута. Возьми браток чуть левой и повыше, лежать бы сейчас Алику в деревянном бушлате.

Лешего пристрелили еще в начале нового года. Весь Западный район отошел к черняховской братве, а их авторитеты «уличным ополчением» брезговали, да и разборки на ножах и кулаках, говорят, вообще не признавали. У них настоящая мафия – киллеры, автоматы; и все вопросы, как правило, решаются через прорезь прицела... Но, возможно, все-таки у черняховских есть «сочувствующие» из спортсменов – запасные силы, так сказать, и кадровый резерв...

– Ну, прямо и все... – оттопырив нижнюю губу, с видом знатока снисходительно фыркнула Сашка. – У них одна машина на звено... Что такое звено, знаете?

– Ты что, совсем нас за темных держишь? – с упреком глянул на нее Алик.

– Да знаем, – усмехнулся Эрик. – Типа бандитская «звездочка»... А ты у них что, за санитарку, да?

– Нет. Просто с Игорем познакомилась... – слегка скон-

фузились девушка.

– Он тебя шлюхой назвал, – пристально и с плохо скрытой насмешкой посмотрел на нее Алик.

– Это он со зла... – еще больше смутилась она.

– Да нам как-то все равно, со зла или нет, – пожал плечами

Эрик.

– Вот и валите отсюда, если все равно!.. И вообще, пошли вы все знаете куда!

Но пошла сама Сашка. Алик и Эрик остались на месте, а она стремительным шагом направилась вслед за исчезнувшим ухажером. Нервная спешка сыграла с ней злую шутку – девушка споткнулась, сломала каблук.

– Черт!.. Черт!!.. Черт!!!

Скривившись от бессильной ярости, она сняла босоножки, сделала несколько шагов в прежнем направлении, но, решив, что без обуви далеко не уйти, развернулась на сто восемьдесят градусов и направилась к своему подъезду.

– А нас к себе не позовешь? – колко спросил Алик, когда она поравнялась с ними.

– Да пошли вы все! – даже не глянув на него, истерично выпалила она.

– М-да, вляпались в историю, – озадаченно потер затылок Эрик, когда девушка скрылась из виду. – Это если братва теперь наедет...

– Вряд ли, – не совсем уверенно мотнул головой Алик. – Думаешь, Игорек своим скажет, что ему какой-то толстяк на-

валял? Я бы на его месте молчал как партизан...

– Так он считает, что на него всемером наехали. И своим так скажет...

– Ну, тогда дело дрянь... Если, конечно, он правда из черняховских. А то ведь и по ушам Сашке мог прокатиться...

– А может, и прокатился, – кивнул Эрик. – Не похож он на крутого. Цепь толстая, а кишка тонкая...

– Качок доморощенный, – кивнул Алик.

– Значит, обойдется... Хотя кто его знает... А вот и наш Голиаф!

Валек выходил из подъезда, насупив брови, но, как ни пытался он сохранить угрюмость, радость одержанной победы напозвала на губы торжествующей улыбкой. И все же в глазах угадывалось беспокойство. Ему явно не нравилось, что рядом с его друзьями нет Сашки.

– Ну, и где ты был? – усмехнулся Алик. – Она тут бегают, ищет тебя, а ты где-то шляешься...

– Ищет? – с сомнением спросил Валек.

И озадаченно тряхнул головой, отчего упруго колыхнулись его толстые щеки.

– Ну да, быка ты завалил, значит, телка твоя.

– Кто?!

– Да это я образно... – совсем не весело сказал Алик. – Если Игорь бык, значит, Сашка – телка... А он реально бык... Черняховская братва...

– Ну и что?

– Да ничего!

– А где Саша?

– Дома и одна-одинешенька. Тебя ждет. Ты бы пошел, утешил ее.

– Правда ждет?

– А ты думал!

– Она сама сказала?

– Как бы! Сама же она об этом не скажет. Но мы ее глаза видели... Поверь, мы в женщинах разбираемся, правда, Эрик?

– Да не вопрос!.. Ты это, подойди к ней, извинись, скажи, что не хотел Игорька обидеть, типа само все получилось... А почему получилось, скажи, что любишь ее, ревнуешь... А она извинится за то, что свиньей тебя назвала...

– А какая ж ты свинья, брат? Ты – реальный кабан, вона как быка закабанил. Теперь Сашка твоя, зуб даю!

– Ну, смотрите!

Валек заторможенно шагнул в сторону подъезда, на какие-то мгновения приостановился, а затем, резко махнув рукой, решительно и быстро набрал ход.

– А зуб ты зря дал, – Эрик насмешливо посмотрел на Алика. – Сейчас она пошлет его на три буквы, а он тебе за это – в зубы!

– Ну, значит, заслужил.

Алик встревоженно провел пальцами по губам, куда Валек мог приложить кулак. Удар у него, конечно, смерть фа-

шистам, но и ноги уносить не хотелось. Что, если это будет воспринято как бегство? И от кого? От лучшего друга!

Но шло время, а Валек не появлялся. Удивленный Эрик даже обследовал подъезд, где жила Саша, заглянул на чердак, но парня нигде не нашел. Это могло означать, что девушка приняла его благосклонно и позволила пройти в дом. Неужели Вальку что-то светит?

Глава 2

Экзамены в профтехучилище – дело такое же важное и ответственное, как ковыряние в носу. Что от одного есть польза, что от другого. Что соплю засохшую легко достать, что трояк: в одном случае нужно всего лишь палец под ноздрю засунуть, в другом достаточно зайти в класс, показаться на глаза преподавателю, и госоценка в кармане. Казалось бы, все просто, но Алику пришлось проникнуться ответственностью за свою пролетарскую судьбу, чтобы добраться до «бурсы». Проблема у него: вчера с друзьями так усердно готовились к экзамену, что сегодня голова гудит как чугунный чан, нутро на взлете – так и норовит наизнанку выкрутиться, ноги тяжелые и шаткие. Видно, водка паленой оказалась...

Алик с трудом нашел в себе силы выйти из дома. За Вальком и Эриком заходить не стал: думал, что они уже в училище. Но там их не оказалось, и он решил, что у парней та же похмельная проблема, с одной лишь разницей – он смог превозмочь себя, а они нет. А может, к ним черный бодун с косой прискакал на белой горячке. Может, лежат себе с опухшими рожами да со склеенными ластами...

Он обозначил свое присутствие в училище, выудил заветный «уд» и сразу же отправился домой. Идти недалеко – километра полтора через седьмой и девятый микрорайоны, но этот путь казался Алику мучением. Когда он проходил мимо

сквера, возникло непреодолимое желание забраться под тенистое дерево или лучше под сиреневый куст, спрятаться от людских глаз и всласть вздремнуть часок-другой. Так бы он, возможно, и поступил, если бы не мысль о друзьях, которая толкала его вперед.

Алик уже подходил к своему кварталу, когда услышал быстрые шаги справа от себя. Он еще не повернул голову на звук, а под его локоть уже забралась мягкая девичья рука.

– Не помешаю?

Это была Катька. Свежая, благоухающая и модная – как будто с утра приняла ванну из розового масла, побывала под рукой профессионального гримера с арсеналом фирменной косметки, после чего направилась в дорогой коммерческий магазин, где и прикинулась с головы до ног.

Алик было недовольно шарахнулся от нее, но, присмотревшись, понял, что бояться нечего. Под толстым слоем косметики Катька была непривычно хороша, и короткое облегающее платье из тончайшей шерсти шло ей необыкновенно. А как возбуждающе она пахла... И уж если кто-то и должен был кого-то чураться, так это Катька его самого. Нечесаный, помятый, а перегаром от него несло, как угольной сажой от разгоняющегося паровоза.

Впрочем, чувства стыда и угрызений совести он не испытал. Как не пришел в восторг от экстаза, который могла, но не вызвала Катька.

– А если помешаешь? – кисло спросил он.

– А если нет? – как будто в ожидании чуда спросила она.

Девушка облизывала его чувственным взглядом, но насытиться этим не могла. Она явно ждала от него чего-то большего... Он, в общем-то, и не прочь был повторить пройденное, но при этом перспектива оказаться с ней под одним кустом вовсе не воодушевляла его.

– Ну, я, в общем-то, спешу, – пожал он плечами.

И, отстранившись от нее, продолжил путь.

– А мне с тобой можно?

– Зачем?

– Ну, просто...

– Просто кошки рожают... Потому что гуляют просто и с кем попало...

– Это ты о чем?

– О ком. О некоторых.

– Я не гуляю с кем попало.

– Тогда ко мне чего клеишься?

– Ты особенный.

– Сейчас растаю и растекусь по асфальту.

– А я тебя соскребу, соберу в кучку и положу к себе в сумочку! – засмеялась Катька.

Парировать ее словесный выпад он не успел: открыл было рот, но рядом вдруг под скрип тормозов остановилась вишневая «девятка». С едва уловимым гулом опустилось непроницаемо темное стекло, и он увидел знакомую физиономию.

Игорь смотрел на него свирепо и злорадно. Из машины

вышел резко, нахраписто. Лютые глаза, гневно вздувшиеся вены на могучей шее; бицепсы гиревыми шарами угрожающе перекатывались от локтей к плечевым суставам. И если бы только это. Из «девятки» выбрались еще два так же крепко накачанных «быка» в спортивных костюмах. На Алика они смотрели равнодушно, но вместе с тем решительно. Может, и не хотели они его бить, но именно это им сейчас и предстояло. Один с наигранно скучающим видом разминал шею и плечи, другой левой ладонью шлифовал костяшки правого кулака.

– А где твой жиртрест? – язвительно, с высоты своего превосходства спросил Игорь.

– Это ты о чем?

Алика хватил мандраж. Как ни крути, а одному против этой своры ему не выстоять. А нутро подсказывало, что бить его будут смертным боем.

– Ты дурака не включай, – угрожающе надвинулся на него Игорь.

– Да я к тебе вообще не прикасался! Как я мог тебя включить?

– Ну, ты в натуре!

Парень многозначительно обозрел пространство вокруг себя. Место не самое глухое в городе, но людей окрест маловато. Да и кому из случайных прохожих придет в голову одернуть звероликих амбалов?

Но как это ни странно, нашелся человек, осмелившийся

вступить за Алика.

– Слышь, ты, вали отсюда! – отчаянно-истерично взвизгнула Катька.

Но тут же за это поплатилась. Игорь ударил ее ладонью наотмашь, не очень сильно, поскольку на ногах она удержалась, но из носа брызнула кровь, а из глаз – слезы. Как таковая она не нужна была Алику, но возмутился он так, будто качок надругался над его любимой девушкой. Злость разогнала страх, левая нога будто сама по себе шагнула вперед, а правый кулак врезался Игорю в челюсть.

Увы, удар не удался: он лишь еще больше разозлил качка. А ответ последовал незамедлительно. Алик смог уклониться от размашисто летящего кулака в голову, но удар ногой в промежность согнул его пополам. И тут же тупой носок тяжелого бота с силой врезался в приоткрытый рот. Искры из глаз, хруст зубов, ржавый вкус крови. В голове загудело, уши как будто заложило ватой...

Алик сумел удержаться на ногах, но это было и все, на что был он способен сейчас. О том, чтобы ответить ударом на удар, можно было только мечтать... Кто-то двинул его сзади по ногам, и он упал на спину. Тут же перед глазами мелькнуло черное, стремительно растущее в размерах пятно. Он еще не успел сообразить, что это каблук ботинка, но уже подставил под удар руки. Быстрая реакция спасла его нос, но это был всего лишь маленький эпизод в длинной череде ударов, который обрушила на него бандитская троица.

Он лежал на земле, в тщетной попытке защитить лицо и живот, а бандиты пинали его со всех сторон – неторопливо, но энергично и со знанием дела... Алик понимал, что его убьют, если никто не остановит братву. Сквозь боль, в тряске обрушивающихся ударов он слышал, как визжит Катька, пытаясь ему помочь. Но толку от ее стараний было мало – разве что кто-нибудь оторвется от него, чтобы отвесить ей оплеуху.

Алик уже мысленно распрощался с жизнью, когда экзекюторы вдруг расступились.

– Что здесь происходит?

Сначала он услышал грозный окрик, а затем увидел парня в милицмейской форме.

– Да вот, начальник, смотрим, пацан лежит, – развязным тоном, со снисходительной насмешкой отозвался кто-то из бандитов. – Может, машина, думаем, сбила, вот, подошли... Что-то не то с ним, может, в больницу отвезти, а?

– Врут они, товарищ сержант! – влезла в разговор Катька. – Они его били. Свалили на землю и били ногами...

– Спокойно, гражданочка, – официально-строгим, но реально-беспомощным тоном попытался урезонить ее мент. – Сейчас пройдем в отделение, разберемся.

– В натуре, начальник, его в отделение везти надо, а то, может, он рецидивист какой-то... Ну да, у тебя машины, сержант, нет, но ничего, мы тебе денег на такси дадим...

Перед глазами у Алика все расплывалось красными пуль-

сирующими кругами, но все же он видел, как браток отвел сержанта в сторонку, достал из кармана несколько купюр, су-нул ему в руку.

– Все нормально, командир?

– Да, будем разбираться, – кивнул мент.

– Ну, тогда мы поедем, да?

Браток запанибратски похлопал сержанта по плечу и на-правился к машине, за ним последовали остальные.

Сержант дождался, когда «девятка» уедет, и присел перед Аликом на корточки.

– Да, хорошо тебя помяли, парень, – сочувственно пока-чал он головой. – Кто ж тебя так?

Презрительно усмехнувшись, Алик собрал языком во рту кровавую кашу с обломками зубов и сплюнул ему под ноги. Как будто не знает мент, кто его так отоварил? Ну, испугался в одиночку против трех бандитов по-взрослому сыграть, так зачем здесь фарс разводить?

– А кто мне губу разбил? – набросилась на него Катька. – А в глаз кто ударил?

– Вам видней, гражданочка!

– Мне видно, а тебе нет. Потому что слабо тебе с банди-тами. Очко сыграло, да?

– А вот это уже оскорбление! – поднимаясь, возмущенно протянул сержант. – А я, между прочим, при исполнении!

– Вот именно, между прочим!

– Будем составлять протокол.

– Составляй. А я дяде пока позвоню. Будешь потом этот протокол на мягкую бумажку тереть. Сам же и подотрешься!

– И кто у нас дядя? – настороженно спросил мент.

– А у вас не знаю, а у меня – подполковник Михальцев, замначальника ГУВД... Что, не веришь? Поехали к нему, спросишь. А заодно расскажешь, как ты здесь комедию ломал...

– Э-э... я комедию не ломал... – замялся сер-жант. – Я разобраться хотел...

– Разобраться он хотел... Хоть бандитов разогнал, и на том спасибо... Ну, куда ты, куда? Тебе лежать надо!

Последняя фраза обращена была к Алику. Пока Катька качала права, он хоть и с трудом, но смог оторвать от земли истерзанное, стонущее от боли тело. Голова кружилась, перед глазами качалось красное марево, в животе и горле сплошная тошниловка, ноги подламываются. Если бы не Катька, которая как та военная санитарка обняла его за талию, он упал бы. И сержант поддержал его за руку с другой стороны.

– Идти можешь?

Алик согласно кивнул и попробовал шагнуть вперед. Но это стоило ему чрезмерного напряжения сил – как будто постамент вышибли из-под шаткого сознания, и оно кувыркнулось в черную гулкую пропасть.

Очнулся он в машине. Это была обычная легковушка, он ехал на заднем сиденье в Катькиных объятиях. Впереди за

рулем водитель, а сержанта нигде не было.

– Куда мы едем? – не своим от слабости голосом спросил он.

Во рту недоставало нескольких зубов, и это также мешало четко выговаривать слова. Но Катька его поняла.

– Ко мне на дачу, – тихо сказала она.

– Зачем?

– Затем, что в больницу нельзя. И к тебе домой тоже.

– Почему? – прошепелявил он.

– Откуда я знаю, что у тебя с бандитами? Может, они захотят тебя добить?

– Глупости...

Спорить с ней у него не было ни сил, ни желания. К тому же в чем-то Катька была права. Игорь со своими друзьями вырос у него на пути не случайно. Он охотился и за ним, и за Эриком, но прежде всего за Вальком. Все-таки сбылись их наихудшие ожидания. Но, возможно, это было лишь начало...

– Мне к пацанам надо... Им тоже нужно сдернуть...

Было видно, что Катька с трудом разбирает его слова, но, как бы то ни было, она снова его поняла. Потому что хотела понять.

– У Эрика тоже проблемы?

– И у него... И у Валька... Ты его знаешь, толстый такой...

– Знаю, знаю... Дача у нас не самая большая, но места всем хватит... Если хотите?

– Если можно...

– Можно, можно... А где они?

– Дома.

Катька объяснила водителю, куда ехать, узнала у Алика, в каких квартирах живут Валек и Эрик, сама сходила за ними. Что она там им говорила, он не знал, но привела к нему обоих.

Как Алик и ожидал, они были едва живы после вчерашнего. Опухшие, бледные, ослабшие. И все же сейчас им было не в пример легче, чем ему.

– Ни фига себе! – глянув на него, возмущенно и сочувственно протянул Эрик.

– Это кто ж тебя так? – завелся Валек.

– А ты как думаешь?

– Игорек?

– Ехал за тобой, а нарвался на меня, – мрачно усмехнулся

Алик.

– Я бы сказал, ты на него нарвался... Ничего, он за это заплатит...

– Так вы едете или нет? – встрял в разговор водитель. – А то устроили здесь базар!

– Не гони, командир, все путем, – ответил ему Эрик и сел в машину рядом с Аликом.

– Зачем нам куда-то ехать? – озадаченно спросил Валек. – Пусть Игорек сам от нас бегаёт!

– Алику оклематься надо, неужели не въезжаешь!

– Ну, если это, – пожал плечами Валек и забрался на переднее пассажирское сиденье.

К этому времени Катька уже сидела, осторожно прижимая к себе Алика.

Она показала себя настоящей сестрой милосердия. Мало того что взяла на себя заботу о нем, она еще помогла и его друзьям: по пути велела водителю заехать на рынок, где взяла пару ящиков дорогого пива. На фоне одолевающей его боли Алик не чувствовал в себе признаков похмельного синдрома, но руку за банкой потянул. Катька, может, и хотела, но не посмела отказать ему в этом удовольствии.

Дача ее родителей находилась километрах в двадцати от города, в садовом товариществе. Это был полуторазэтажный домик из белого силикатного кирпича с шиферной крышей. Небольшой каминный зал и кухня внизу и одна комната наверху. Мебель старая, но хорошо сохранившаяся. Алика больше всего заинтересовал диван в зале, куда Катька его и сгрузила.

– А здесь можно жить, – осмотрев дом, сказал Эрик.

– Может, мне Ирке позвонить? – спросила она. – Веселее будет.

– Э-э... Ну, можно... – с сомнением пожал плечами Эрик.

Вид у него был такой, как будто ему только что предложили жениться на этой самой Ирке.

Алик усмехнулся. Кроме благодарности, никаких других чувств он к своей Катьке не питал, но при этом бы, пожалуй,

не отказался жениться на ней, если бы это сняло боль от побоев. Во всяком случае, так ему сейчас казалось.

– Тогда я схожу к сторожу, там у него телефон.

Как показалось Алику, она уходила только затем, чтобы дать им, друзьям, возможность переговорить меж собой без посторонних. Если так, то она заслуживала приз за сообразительность.

– Ирка – это, конечно, хорошо... – Эрик озадаченно поскреб щеку.

– А Сашка лучше, – подмигнул Вальку Алик.

– Она сюда не поедет, – на полном серьезе рассудил он.

– Что, рылом для нее не вышли? – съязвил Эрик.

– Ну, зачем ты так? – обиженно посмотрел на него толстяк.

– А затем, что проблемы из-за нее.

– Поздно от проблем бегать, – недовольно глянул на него Алик. – Проблему решать надо.

– Как?

– Валеk правильно сказал, Игорек сам должен от нас бегать... Только недолго...

– Почему недолго?

– Потому что гасить его надо. И чем быстрее, тем лучше...

– Гасить?!

Алик хотел сказать, что это наилучший вариант решения возникшей проблемы, но сил говорить больше не было, и он лишь вяло махнул рукой – дескать, понимай как знаешь.

– Он Алика подкараулил, а мы его подкараулим, – поддержал его Валек. – Монтировкой по голове, и все дела. Одно из двух – или коньки откинёт, или память отшибёт.

– А потом нас возьмут за жабры и отправят в кутузку? – возмущенно глянул на него Эрик.

– А что, по-твоему, лучше на кладбище? Игорек нам теперь житья не даст.

– Глупо все это. Надо в милицию обращаться. Алик показания даст, побои с него снимут и закроют Игорька как миленького.

– У тебя все дома? – оторопело посмотрел на друга Валек. – Это же черняховские! Игорька закроют, а они Алика так прессовать начнут, что хрен редькой покажется!.. Ты хоть думай, что говоришь!

– Ну, может, это и не выход, – сник Эрик. – Но и монтировкой по голове – это перебор...

– Тогда здесь, на даче, всю жизнь жить будем, – хмыкнул Алик. – Я с Катькой, ты с Иркой... Может, Валек Сашку сможет уговорить, тогда и она с нами будет.

– Она не захочет, – мотнул головой Валек. – Ей со мной не очень нравится...

– Как это не нравится? А кто чай с ней гоняет?

– Ну, только чай... – зарделся толстяк. – Она ж только дружить хочет. Да и то не очень... Не нравлюсь я ей... Ей такой, как Игорек, нужен... С ним самим она уже не хочет, а вообще, да...

– Что вообще? – пренебрежительно усмехнулся Эрик. – Крутого ей подавай, да?

– Мы и сами крутыми стать можем, – пристально, исподлобья посмотрел на него Валек. – Если, конечно, Игорька сделаем.

– Давай, давай, сделай Игорька. А потом к Сашке – слышь, подруга, а я Игорька в гроб загнал. Она тебя расцелует на радостях, а потом в милицию...

– Да хватит вам, – одернул друзей Алик. – И без того тошно.

Он и сам понимал, что убить Игоря – не выход. Просто злость в нем закипала, потому и выдавило из головы столь жестокое решение. А если рассуждать здраво, как это делал Эрик, то действительно не стоило гнать коней. Сначала надо зализать раны, успокоиться, а потом уже думать, как быть дальше...

Глава 3

Сашка вышла из своего подъезда чуть позже, чем он, но ей ничего не стоило догнать его. И на это было как минимум две причины. Во-первых, после событий недельной давности Алик еще неважно чувствовал себя. Голова не болит и не кружится, кости все целы, внутренности не беспокоят, но слабость все еще дает о себе знать. Во-вторых, ему не улыбалась неотвратимая встреча с Катькой, которая ждала его сейчас на улице... Была еще и третья причина, в которой не хотелось бы себе признаваться. Он сам хотел, чтобы Сашка нагнала его. Влюбленности хоть и не было, но неплохо было бы закрутить роман. И собой она очень хороша, и Катька уже надоела до чертиков...

– Привет! – услышал он приятно веселый голосок.

Он остановился, сквозь игривый прищур посмотрел на нее с таким видом, будто ее появление стало для него неожиданностью.

– А-а, это ты! Рад видеть!

Да, хороша чертовка. Хоть и не так модно одета, как Катька, и духи у нее попроще, но энергия женского обаяния в разы круче. Да и не нужна ей одежда. И парфюм совсем не обязателен. Раздеть бы ее, прижать к себе и одуреть от запаха ее роскошных волос и нежной кожи... Увы, но эта мечта несбыточна. Сашку любит его лучший друг, значит, она вне

зоны досягаемости... Легкий флирт – это самое большое, что он мог себе позволить. И то лишь потому, что девушка и сама не прочь поболтать с ним на мажорной ноте. Он стоял, и она не думала продолжать путь.

– Как здоровье?

Вопрос этот был задан неспроста, и не нужно было быть сыном Архимеда, чтобы понять это. Сара-фанное радио во дворе работает как часики, и наверняка разведка уже донесла, что за беда с ним приключилась.

– Да бывало и лучше.

– Желтизна под глазами...

– А это чтобы ночью лучше было видно...

Фингалы у него были солидными – со всех сторон, и сверху, и снизу, но, к счастью, сами глаза не пострадали. Внутренности были отбиты серьезно, но селезенка не порвалась, и печень не соскочила с подвесок. И все ребра, как ни странно, уцелели: как будто из гуттаперчи были – не сломать.

– А это, – улыбнулся он во весь свой щербатый рот, – чтобы на Игорька твоего легче было плевать!

– Он уже не мой.

– А чего так?

– Не знаю, перегорело...

– Значит, не зла твоя любовь, – усмехнулся он.

– Это ты о чем?

– О том, что не полюбишь козла...

– Нет, козла любить я не хочу, – весело улыбнулась она.

– Валек – не козел. Валек – человек что надо.

– Валек? Валек, он, конечно, хороший... – замялась она. –

Но...

– Что но?

– Да нет, ничего... Ты куда-то шел?

– Да так, просто прогуляться вышел.

– А не боишься?

– Чего?

– Ну, вдруг на Игоря наскочишь, – без всякого злорадства предостерегла она.

– Да мне все равно, – не очень уверенно отозвался он.

– Ну, все равно или нет, а с ним лучше не связываться...

– Он про нас не спрашивал? Ну, когда нас не было, – настороженно спросил он.

– Может, и спрашивал, но точно не у меня. Он как получил от Валька, так ко мне больше и не подъезжал... Может, он уже и забыл про вас.

– Да, но мы-то не забыли про него, – нахохлился он.

– Я же говорю, с ним лучше не связываться.

Алик напряженно промолчал. Глупо было метать громы и молнии в пустоту. Вот если бы у него была реальная возможность поквитаться с черняховскими «быками», тогда еще можно было бы потрясти воздух, а так лучше закрыть тему, чтобы не прослыть пустозвоном.

– Да, мне идти надо, – выразительно посмотрела на него Сашка.

Ей интересно было разговаривать с ним, он чувствовал это. Но составить ей компанию она не предлагала, потому что не хотела никуда с ним идти. Может, она одета и не лучше всех в городе, но уж куда лучше, чем Алик. И вообще, не пара он ей...

Впрочем, он и не собирался с ней гулять. Его Катька ждет. Но к ней так неохота...

– Может, постоим немного? – спросил он.

– Тебе тяжело ходить? – прониклась Сашка.

– Ну, как бы тебе объяснить, – поджав губы, в нерешительности потер он за ухом.

Объяснять ничего не пришлось. Во двор стремительно вошла Катька и, окатив Сашку снисходительно-ревнивым взглядом, пришвартовалась к его руке.

– Тебя еще долго ждать? – спросила она с недовольством законной, но обойденной в правах собственницы.

– Ну, я тут с человеком разговариваю, – нахмурился Алик.

Ему не нравилось, что Катька отрывает его от Сашки. Но иной реакции от нее он и не ожидал.

– Сначала зубы нужно сделать, а потом разговаривать. Пошли, нас уже ждут...

– Зубник ждет, – пояснил Алик.

– Не зубник, а стоматолог, – с важным видом поправила его Катька.

– Ну, ему-то все равно, он к гинекологу не ходит, – насмешливо повела бровью Сашка.

Но Катька на нее даже не взглянула. Стиснув зубы, она потянула его за локоть, как конюх тащит за узду норовистую лошадь. Алик сопротивляться не стал. Как ни крути, а зла ему она не желала.

И вообще, он уже привык, что Катька заботится о нем. И слушался ее во всем, что касалось здоровья. И на даче у нее целую неделю лежнем провалялся. Потому что врач так сказал, которого она доставила к нему из сельской больницы – еще и на лапу дала, чтобы никуда не сообщал. А то, что Ирку к себе пригласила и самогона для пацанов раздобыла – так все это удовольствие обошло Алика стороной. У него был свой кайф – микстуры, компрессы, примочки. Теперь вот Катька решила заняться его зубами. И скажи после всего этого плохо про нее...

– При чем здесь гинеколог? – пренебрежительно фыркнула она, когда Сашка осталась далеко позади.

– Ну, это как в анекдоте. Стоматолог – зубник, окулист – глазник, вот только гинеколога на такой манер лучше не называть...

– Смешно, – нервно усмехнулась Катька. – А то я уже подумала...

Она нарочно затянула паузу.

– Что ты подумала? – не выдержал Алик.

– А что она из абортариев не вылезает... Кто это вообще такая?

– Сашка.

- Та самая? – вскинулась она.
- Ну да, из-за нее сыр-бор.
- И о чем ты с ней лясы точил?
- В любви признавался.
- Я серьезно, – дрогнувшим голосом сказала она.
- И я серьезно. Признался ей, что Валек ее любит.
- Ну, если Валек... – облегченно вздохнула Катька.
- А ты что, ревнуешь?
- Я тебя ко всем ревную.
- А к себе?
- Нет, к себе не ревную.
- А к своей маме?
- При чем здесь моя мама?
- А кто меня сейчас насиловать будет?
- Это не страшно.
- Для кого не страшно, для меня или для тебя?
- Для меня. И для тебя, если ты не трус.
- Покажи мне мужчину, который не боится бормашины? – спросил Алик.

И будущей тещи, мысленно добавил он. И пугливо пожегил. Не хотел он жениться на Катьке, да и не собирался, но а вдруг он окажется бессильным перед ней, вдруг его охмурят, опутают брачными сетями?.. Нет, только не это.

Татьяна Геннадьевна встретила его подозрительно прищуренным взглядом. Наверняка она понимала, почему ее дочь так печется о парне, которого привела к ней на прием. И, су-

дя по сомнению в ее глазах, Катькин выбор не очень ей понравился. Если так, то печалиться не о чем. Пусть она объяснит своей непутевой дочери, что Алик ей не пара, пусть отговорит ее, пусть рассорит их, если уж на то пошло.

– Как вы чувствуете себя, молодой человек? – приятным грудным голосом спросила женщина.

«Хреново, хоть вешайся», – мысленно ответил Алик. А вслух сказал другое:

– Да ничего, нормально.

Не хотелось грубить женщине, которая должна была вставить ему целых три зуба. И вообще, при всем своем неприязненным к нему отношению Татьяна Геннадьевна производила приятное впечатление. Миловидная женщина лет сорока, лицо почти без морщин, аккуратный носик; грудастая, широкобедрая, но при этом совсем не толстая, если не сказать худая... На внешность Катька была похожа на нее, а это значило, что к сорока годам она не будет выглядеть старой раскормленной коровой... Алик поймал себя на мысли, что думает о своей подруге как о будущей жене, и закусил губу.

– А вот ротик нам придется открыть.

Татьяна Геннадьевна посадила его на кресло, обследовала рот, шупом постучала по обломкам передних зубов.

– Ну что ж, думаю, за два дня управимся... Золото нынче не в моде, лучше всего металлокерамика. Это, конечно, дорого... Вы где-то работаете, молодой человек?

– Нет, училище заканчиваю.

– Военное?

В голосе Татьяны Геннадьевны послышался плохо скрытый сарказм.

– Нет, профессионально-техническое. А военное училище в июне будет. Забредут, и в армию на два года. В стройбат скорее всего...

– Почему в стройбат? У вас есть судимость? – всполошенно спросила женщина.

– Еще не хватало. Просто училище дорожно-строительное. В дорожные войска заберут, а это тот же стройбат. Там такие головорезы, что им даже оружие в руки не дают...

– Головорезов и здесь хватает. Катя говорила, что вам от бандитов досталось.

– И ей, между прочим, тоже.

– Вы из-за нее дрались?

– Ну... Ну, можно сказать, из-за нее.

– А чего нельзя сказать?

– Нельзя сказать, что это была драка, – нашелся Алик. – Их было трое, а я один. Свалили на землю и давай ногами... Какая уж тут драка?

– Понятно... А родители у вас где работают?

И здесь Алик не смог порадовать Татьяну Геннадьевну. Отец у него работал в котельной кочегаром, мать – уборщицей в собесе. Старшая сестра с мужем где-то на Севере, деньги зарабатывают, младший брат перешел в пятый класс. Мягко говоря, ничего особенного... Впрочем, в зятя Алик

не набивался, поэтому о себе и о своих родных рассказывал с легким сердцем.

У Катьки тоже была старшая сестра, но пропадала она не на Севере, а в Ленинграде, училась в институте живописи, скульптуры и архитектуры. Алик всерьез подозревал, что и ей он не придется ко двору. Так же как и ее матери.

Наверняка он не понравился Татьяне Геннадьевне. Но, как бы то ни было, через два дня он смело мог улыбаться своему отражению в зеркале. Татьяна Геннадьевна вставила ему три зуба из дефицитной металлокерамики. Столь приятное событие Катька решила отметить у себя дома. Родители на работе, бутылка шампанского и фрукты в холодильнике, конфеты в вазе...

Квартира ее родителей впечатляла. Три комнаты, на стенах дорогие обои с позолотой, антикварная мебель, картины, серебро, хрусталь. Но больше всего Алику понравился телевизор и видеомэгафон с целой фильмотекой. Когда-то он был завсегдаем видеосалонов, которые сейчас отжидали свой век, поскольку видеомэгафон могли позволить себе многие. Жаль, что Алик в число этих «многих» так и не вошел.

– Боевики, ужастики или лучше клубничку? – кивнув на телевизор, с жеманной улыбкой спросила Катька.

– Лучше боевик.

Он прекрасно знал, чем может закончиться знакомство с шедеврами германской и шведской киноиндустрии. А воз-

буждаться и копировать порносцены в постели с Катькой не хотелось... Хорошая она девчонка, заботливая, но не лежит к ней... То есть как раз-то и лежит.

– А может, все-таки клубнички попробуем?

Она села к нему на колени, обняла за шею, губами обжала мочку его уха... Недурственное ощущение, но было бы лучше, если бы она отправилась на кухню.

– Ну, если под шампанское, – без усилия попытался оттолкнуть ее Алик.

Катька накрыла стол, запустила порнушку, возбудилась сама, помогла завестись ему. Диван уже всюю скрипел под ними, когда в дверь позвонили.

– Это папа! – испугалась она.

– Ну, ничего, как-нибудь в другой раз, – потянулся за брюками Алик.

Его совсем не разозлило, что пришлось оторваться от Катьки. Не настолько она хороша и желанна, чтобы рвать на себе волосы от отчаяния. Хотя, пожалуй, он бы не отказался спокойно поваляться с ней в постели после этого.

Отец у Катьки был еще более важной птицей, чем мать. Раньше он заведовал универсамом, а сейчас у него был свой коммерческий магазин. Судя по всему, дела у него шли неплохо. Но у Алика не было никакого желания знакомиться с ним. А, похоже, придется...

Он готовился к встрече с Катькиным отцом, но в дом зашел Эрик.

– Ты? – удивилась она. – Как ты узнал, где я живу?

– Ирка сказала! – быстро сообщил он.

Глаза навывкате, щеки красные, дыхание быстрое и тяжелое. Глянув на него, Алик почувал неладное.

– А где она?

– Да без разницы!.. Алик, беда! Валек в реанимации!

Стреляли в него!

– Стреляли?! Ничего себе!

– Тебе еще повезло, а в него из волыны...

– Кто, черняховские?

– А то кто же! Я так думаю, Игорек постарался... Валек через речку шел, а этот скот со спины... Что да как, я толком не знаю. Мне Михалыч сказал, что Валек с пулей до самого дома дошел, а там уже свалился. «Скорая» его забрала...

– Ну, чего стоим? Ехать надо!

Алика трясло как в лихорадке. Одно дело, когда тебя бьют, и совсем другое, когда стреляют из пистолета.

– Не пуцу! – взвыла Катька и остервенело вцепилась Алику в руку.

– Ты что, чокнутая?

– Они тебя убьют!

– Кто?

– Бандиты... Тогда не убили, а сейчас убьют. А я не хочу!

– Это мы еще посмотрим, кто кого...

– Ты что, не понимаешь, у них оружие! Что ты с ними сделаешь?

– Не знаю... Но мне к Вальку надо!

Алик вырвал руку, открыл дверь, но Катька снова вцепилась в него:

– Пстой!

– Да иди ты!

– «Наган» возьми!

– Что?! – вытаращился на нее Алик. – Какой «наган»?!

– Я сейчас...

Она отправилась на балкон. Друзья недоуменно переглянулись.

– Ствол бы нам, конечно, не помешал, – в растерянности пожал плечами Алик.

– У нее с головой все в порядке?

– Не знаю, сейчас посмотрим. Но, вообще, она все может...

Катька не заставила себя долго ждать. Принесла какой-то сверток, развернула тряпицу, и Алик увидел самый настоящий револьвер системы «наган». Тяжелый, вороненый, теплый и внушительный на ощупь. И еще от него возбуждающе пахло оружейным маслом.

– Что, и патроны есть? – взбудораженно спросил Эрик.

Катька как-то странно посмотрела на него и вдруг вырвала пистолет у Алика из руки.

– Нет ничего! – прижав пистолет к груди, заголосила она.

– Ну, как это нет!

Алик попытался отобрать у нее оружие, но не тут-то было.

Катька упала на пол, накрыв телом руки, в которых мертвой хваткой сжимала револьвер.

– Не дам! Отец меня убьет!

– А ведь убьет, если узнает, – глубокомысленно изрек Эрик. – Меня бы точно убил.

– А если нас бандиты убьют, тебе что, все равно? – наседал на Катьку Алик.

Конечно же, она не хотела, чтобы его убили. Но и пистолет отдавать уже не желала, поэтому молчала, в напряжении зажмурив глаза.

– Она не отдаст, – покачал головой Эрик.

– Ну и хрен с ней! – Алик в сердцах махнул на нее рукой.

Кажется, у него появился повод избавиться от Катьки. Но это его совсем не радовало.

Ни у него, ни у Эрика не было денег, чтобы взять такси, поэтому пришлось идти к троллейбусной остановке.

– Вот вляпались, а? Сначала тебя отметелили, теперь вот Валька подстрелили, – с мрачным видом сказал Эрик.

– Думаю, тебе бояться нечего, – вслух подумал Алик. – Ты же Игорька и пальцем не тронул...

– Кто знает, кто знает...

Эрику, похоже, пришлось сделать над собой усилие, чтобы предательская улыбка не выступила на губах. Естественно, он боялся Игорька и не хотел попасть под раздачу, но его можно понять: жить всем охота.

– Что делать будем? – спросил Алик.

– Огнестрел – это серьезно, за это в тюрьму сажают. Игорек уже не отвертится... Ты вот не захотел в милицию обращаться, а Валька спрашивать не будут, хочет он, чтобы преступника нашли, или нет. Его по факту искать будут...

– А Валек знает, кто в него стрелял?

– Ясное дело, Игорек.

– А если нет?

– Ну, не знаю...

– А надо узнать. У Валька спросим...

Но проведать друга их с Эриком не пустили. Они только и смогли узнать, что стреляли ему в спину и пуля прошла под самым сердцем, едва его не задев. Валек находился в реанимации, без сознания и в тяжелом состоянии. Но врач пообещал, что жить он будет, и посоветовал друзьям отправляться домой.

– Я никуда не пойду, – сказал Алик.

– Я тоже, – поддержал его Эрик.

– Не знаю, чем вы ему поможете, – пожал плечами седовласый мужчина. – Но как хотите. Только из отделения попрошу...

Они устроились на скамейке в гулком холле между реанимационным и хирургическим отделениями.

– Действительно, чем мы можем ему помочь? – спросил Эрик.

– Не знаю, но я буду ночевать здесь, – упрямо качнул головой Алик.

За окнами уже стемнело, когда к ним присоединилась Катька. Как всегда, коэффициент ее полезного действия был на высоте: она принесла бутерброды и чай в термосе.

– Эх, Катька, выходи за меня замуж, – в шутку предложил Эрик. – Я с такой женой не пропаду.

– Нет, я с ним буду, – сказала она, грудью прижавшись к руке Алика.

– Что, всю ночь?

– Да хоть всю жизнь. Если позовет...

– Может, и позову, – сам от себя такого не ожидая, сказал Алик. И чуть подумав, поставил условие: – Если ствол принесешь.

– Не могу, – стушевалась она.

– Почему?

– Нет его... И не было... Показалось вам... А зачем вам ствол? Валька охранять?

– Как ты догадалась? – саркастически усмехнулся Алик.

– А я вообще-то девочка догадливая. Потому и в больницу тебя не потащила. А Валек ваш здесь, и его отсюда не заберешь... Из милиции уже приходили? – с серьезным видом спросила она.

– Если бы приходили, мы бы знали.

– А ведь не приходил никто, – в мрачном раздумье изрек Эрик. – А должны прийти, чтобы уголовное дело завести...

– Вот и я так думаю, – кивнула Катька. – Только как бы от Игорька за ним не пришли. Чтобы показания против него

не дал...

– Вот я тебя и прошу, принеси ствол, – сказал Алик.

– Нет, я лучше дядьке позвоню. Он у меня большой человек и лучше нас знает, что нужно делать...

Катя прошла в отделение, договорилась с дежурной сестрой, с ее телефона связалась со своим влиятельным родственником. И снова она смогла сотворить маленькое чудо. Часа через три в отделении появились два сержанта патрульно-постовой службы, один с пистолетом, другой с автоматом. Правда, они тут же потребовали, чтобы Алик, Эрик и Катя покинули, как было сказано, расположение больницы. Может быть, это было их маленькой мстью за то, что им из-за их самодеятельности придется здесь ночевать. Так или иначе, друзья проводили девушку домой и отправились к себе.

На темном, шитом звездным бисером небе висела полная луна. Ночь светлая, теплая, но, как ни странно, во дворе дома никого не было. Даже ровесницы революции куда-то подевались.

– Что-то не нравится мне все это, – встревоженно сказал Эрик.

– Тишина, и киллеры с косами по подъездам прячутся, – совсем невесело улыбнулся Алик.

– Ну, не с косами... Да, влипли мы. Хорошо, что в армию скоро, – поежился Эрик.

Если честно, Алик и сам подумывал о том, что в армии будет спокойней, чем здесь. Но даже себе не хотел в том при-

знаваться.

– Мы в армию, а как же Валек?

– Ну, пока он в больнице, его охранять будут. А потом... потом уедет куда-нибудь, – неуверенно сказал Эрик.

И нервно полез за сигаретой.

– Давай сначала в твоём подъезде посмотрим, потом по моему прошвырнемся, – предложил Алик.

Ему и самому было не по себе. Вдруг в кустах возле дома или в подъезде в самом деле прячутся черняховские головорезы. Но все опасения оказались напрасными – путь домой был свободен. И все же, закрывая за собой дверь в квартиру, Алик чувствовал, как бешено колотится сердце. Слишком круто заваривалась каша, чтобы надеяться на благополучный исход.

Глава 4

Что такое небо с овчинку, Игорь узнал, когда Дымыч изо всех сил врезал ему в живот. Тяжесть у него в кулаке свинцовая, а крепость – железобетонная. А когда бригадир добавил еще и ногой, «овчинка» в глазах Игоря свернулась в пергаментную трубочку.

– Ну, ты урод, а? Для чего я тебе железо дал?

Игорь лежал на полу, и Дымычу пришлось присесть на колено, чтобы добить его. Один его свирепый оскал нагонял смертный страх, а занесенный кулак и вовсе убивал – пока только морально. Но если кулак опустится на нос, тогда все...

– Для чего, спрашиваю? – прохрипел бригадир.

– От касатоновских отбиваться, – в ужасе зажмурился Игорь.

– А ты что сделал, морда? – разжав кулак, спросил Дымыч.

– Бес попутал!

– В штанах у тебя бес... А вы чо лыбитесь, бакланы?

Бригадир наехал и на Костяку, и на Серого, но бить их не стал. Вогнал их в ступор грозным видом и спросил:

– Где вы были, когда этому барану башню снесло?

– Да мы чо, мы по делам, – жалко пожал плечами Серый. –

А он к девке своей поехал. Нам что, свечку держать?

– Будет вам свечка. За упокой ваших гребаных душ. Вы

что, не въезжаете, как меня подставили? Что мне теперь Вячику говорить. И Мироныч спросит, что за хрень вы тут развели. Что мне им говорить?

– Да ладно, может, обойдется? – буркнул Серый.

– Куда обойдется? Чувак выжил и сейчас показания ментам дает. А на кого дает? На этого урода!

Дымыч оттянул назад ногу, чтобы ударить лежащего Игоря, но передумал и отступил на шаг.

– А что теперь делать? – озадаченно спросил Костяка.

– Что делать, что делать... Сухари сушить! Вот что делать!

– Вячик сказал, что любого от кичи отмажет, – напомнил Серый.

– Любого, кто за общее дело влетит. А этот из-за бабы косяк упорол...

Игорь и сам понимал, что сотворил огромную глупость. В бригаде проблемы с воровской братвой, все на ушах, а ему личные тараканы в голове покоя не дают. И все из-за Сашки, будь она неладна. Заморочил девчонке голову, даже на палку чая напроситься смог. Только вот чайку испить не удалось. Раскручивал ее, раскручивал, а когда она все-таки сдалась, уронил вдруг свое достоинство. Пытался поднять, но... Сашка на смех его не подняла, но и всерьез к нему относиться вдруг перестала. Чтобы хоть как-то сгладить перед ней свою вину, он повел ее в ресторан, но беда, как известно, ходит парой. Вышли с ней во двор, а там шпана подзаборная. Смех сквозь слезы – какой-то жирняк отбивную из него сделал. А

другой, чернявый и тощий, так по круглякам съездил, что неделю ни о каких бабах и думать не хотелось.

Надо было стерпеть и просто-напросто вычеркнуть этот позорный эпизод из своей жизни, но как будто сам нечистый дернул Игоря за язык. Костяка и Серый сначала его на смех подняли, а потом сами же посоветовали ему поквитаться с жиртрестом. Да он и сам спал и видел, чтобы отомстить. Пацаны вызвались проехать с ним к Сашке, чтобы там, в ее дворе, найти его обидчиков, по пути наехали на чернявого, оторвались. А до жирного очередь в тот день так и не дошла. Законный вор Касатон объявил Вячика и Мироныча гадами, что по блатным понятиям фактически означало начало войны. В тот же день одного пацана из бригады Куцега зарезали, на следующий день Дымыч недосчитался бойца, которого пристрелили прямо в центре города, среди бела дня... В общем, веселая жизнь началась, что ни день, то два-три трупа – то с одной стороны, то с другой.

Игорь и Серый под началом Костяки смотрели за баракхолкой и ларечным рядом в Западном районе, работа, в общем-то, не напряжная – стволы им не полагались. Но война с блатными внесла свои коррективы, и Дымыч раздал им железо, по китайскому «ГТ» на брата. Пистолеты, правда, были немного бракованными: после каждого выстрела требовалось рукой передернуть затворную раму, но лучше что-то, чем совсем ничего.

В каждом оружейном стволе сидит сатана – Игорь убедил-

ся в этом после того, как пистолет утяжелил его руку. Он вспомнил, как хвастался перед Сашкой своей принадлежностью к черняховской братве, но так и не смог тогда в полной мере доказать свою крутость, потому что не было у него черного пистолета. Она поверила ему на слово, но тем не менее, когда у него появился ствол, ему захотелось порисоваться перед Сашкой, а заодно пугнуть ненавистного толстяка, предупредить его, чтобы готовился к смерти.

Но толстяка он увидел еще на подходе к Сашкиному дому. Парень шел как в воду опущенный. Сам бес дернул Игоря последовать за ним, а когда представился удобный момент, вложил в руку пистолет... Увы, но это выходило ему сейчас боком, и каким! Бригадир Дымыч устроил над ним форменную расправу. Затащил на задний двор подконтрольного ему ресторана и пустил в замес.

– Виноват, больше не буду, – поднимаясь с асфальта, угрюмо проговорил Игорь.

– Рыдать команды не было! – злобно зыркнул на него бригадир.

И ногой, с отяжкой ударил его в грудь. Игорь упал на спину, больно стукнувшись затылком о бордюр. На какое-то время он потерял сознание, а когда очнулся, увидел перед собой самых крутых черняховских авторитетов – Вячика и Мироныча. Один борец – деформированные уши, покатые плечи, косолапая походка. Другой боксер – надбровья в шрамах, глубоко утопающие глазки, приплюснутый нос, резкие,

порывистые движения.

– Этот, что ли, накосячил? – спросил Вячик, пренебрежительным кивком показав на Игоря.

– Да вообще идиот, – кивнул Дымыч. – Называется, дали бабе хрен резиновый, от мух, ля, отмахиваться...

– Лучше бы он этот хрен в себя вмахнул, – скривился Мироныч. – Менты его уже ищут, а нам и без него проблем хватает...

– Так сдадим его ментам, пусть подавятся.

– Ага, сначала его закроют, потом тебя, – ух-мыльнулся Мироныч.

– Э-э, меня-то за что? – вытянулся в лице недалекий Дымыч.

– А откуда у него, спросят, ствол? Кто тебе, пацан, «тэтэ-ху» дал, а? Дымыч, скажет, подогнал... На тебя он покажет, понял. А ты говорил, ментам его сдать...

– Я покажу?! Да ни в жизнь! – запаниковал Игорь.

Он понимал, что выбор у старших небольшой. Или ментам его на расправу отдать, или все концы в воду, или, вернее, труп в землю... А убить его могли прямо сейчас. За спинами авторитетов мрачным своим видом нагнетали тоску физиономии головорезов. Одно только слово, и они без лишних слов накрутят на ствол глушитель, приведут приговор в исполнение.

– Я никому ни гугу!

Уж лучше в тюрьму, думал он, чем в землю.

– Ты в этом уверен? – Мироныч пристально посмотрел на Игоря.

– Да я же на крови клялся, что лучше сдохну, чем кого-то сдать!

– Ну, сдохнуть-то ты всегда успеешь, – скривился Вячик. – Мы даже можем помочь...

– Н-не надо!

– Что, жить охота? А зачем же ты тогда накосячил?

– Я... Я больше не буду.

– Не будет он... Мы что, ля, в детском саду?... Вот возьмем и сдадим тебя ментам. А они тебя на крытку! Там тебя в момент на горшок насадят. А знаешь, почему? Потому что там блатные, там все по их понятиям. Касатон отмашку на тебя даст, и все. Сначала шиш под кожу, а потом удавку на шею. Может, мы лучше тебя сразу кончим, а? А то намучаешься там перед смертью...

– Н-не надо... – в отчаянии мотнул головой Игорь. – Я... Я искуплю...

– Вот это дело, – кивнул авторитет.

– Что скажете, сделаю!

– А ты и так сделаешь, если я скажу... Ты зачем, Игорек, в пацана стрелял? Бабу с ним не поделил?

Авторитет впервые за все время обратился к нему по имени, и это вселило в Игоря надежду.

– Ну, не только...

– А что еще?

– Ну, я же должен был ответ дать...

– Это, конечно, правильно, не вопрос. Но этот вопрос ты сначала должен был с батюшкой порешать, а потом уже в пекло лезть.

– Я знаю... Но так вышло, – жалко хлюпнул носом Игорь.

– Вошло, но еще не вышло. Сам на ментовской кукан сел, парень, как слезать с него будешь, даже не знаю...

– Ну, может, подскажите!

– Ты когда в чувака стрелял, о чем думал?

– Да затмение какое-то нашло!

– Что, и как на спуск жал, не помнишь?

– Ну, помню...

– Страшно было жать?

– Да нет. Как-то само все вышло...

– И повторить сможешь?

– В смысле?

– Ты или в натуре дятел, или прикидываешься... Терпила тебя видел, поэтому он не только терпила, но еще и свидетель. Не будет его, ментам нечем будет крыть. А как сделать, чтобы его не было?

– Добить, – догадался Игорь.

– У тебя есть всего два дня, парень, – кивнул авторитет. – Решешь проблему, будешь с нами. Нет – извини...

– А как я ее решу?

– Каком решать не надо. Мозгами пораскинь, глядишь, додумаешься...

– Мозгами терпила пораскинет, по подушке... – криво усмехнулся Игорь. – Я ему это устрою... Только железо нужно. А то мой ствол паленый...

– Смотри, соображаешь, – поощрительно подмигнул ему Мироныч. – Будет тебе железо, и пацанов дадим в помощь. Ты, главное, дело сделай.

– А мы посмотрим, на что ты способен, – переглянулся с Миронычем Вячик. – Если все будет тип-топ, перспективу тебе откроем...

– Какую перспективу? – не удержался от любопытства Игорь.

– Ты в армии служил?

– Да, в погранцах...

– Ну и как там в армии говорят? Кто вопросы задает, тот по службе не растет. А у нас чуток по-другому. Кто вопросы задает, тот недолго проживет.

– Я все понял.

– Это хорошо, что ты такой понятливый. Плохо, если снова косяк упорешь... Если менты вдруг повяжут, ты нас не знаешь.

– Само собой.

– Если вдруг что, мы тебя и за решеткой достанем... Дымыч, пошли, перетереть надо.

О чем авторитеты говорили с одним из своих бригадиров, Игорь мог только догадываться. На следующий день Дымыч вручил ему новенький «ГТ» без всяких дефектов с само-

дельной резьбой на стволе и накрученным на нее глушителем.

Глава 5

Валек сдал телом – за последние три дня похудел килограммов на десять-пятнадцать, движения вялые, болезненные. Но духом он не пал.

– Ничего, оклемаюсь, удушю этого козла, – с уверенностью в своих силах неожиданно бодрым голосом заявил он.

– А ты видел, что Игорек в тебя стрелял? – спросил Эрик.

– Ну да, видел... А если бы не видел, разве не ясно, кто это мог быть?

– Следователю про него сказал?

– Ну да, сказал, что эта гнида в меня стреляла... И что Алика со своими уродами помял...

– А следовательно что?

– Сказал, что искать его будут...

– Ну все, кранты Игорьку, – сказал Эрик с видом человека, выдающего желаемое за действительное.

– Хотелось бы верить, – скептически усмехнулся Алик.

Он и сам вчера общался со следователем. Рассказал, как и почему пострадал от Игорька. Судя по всему, прокуратура взялась за это всерьез, но часто ведь бывает – размах на рубль, а удар на копейку. Он сам был свидетелем, как беспомощно выглядел перед черняховской братвой милицейский сержант. А почему тот не мог приструнить бандитов? Потому что боялся их. Все их боятся, поэтому и стреляют они в

людей среди бела дня.

– Как тебя на речку занесло? – спросил он у Валька.

– Да как... – загрустил тот. – У Саши был, в любви ей признался. А она сказала, что парень я хороший, но шансов у меня ноль. Не любит она ме-ня. И никогда не полюбит... Ну, я пошел на речку. Сижу, смотрю на воду, слышу, крадется кто-то. Хотел повернуться, да поздно. Прямо над ухом барабахнуло. И под сердцем горячо так и тупо... Но я все равно обернулся. Смотрю, Игорь от меня отворачивается. Пистолет в руке... Он думал, что прикончил меня. А я еще за ним шел... Потом домой, пока не упал... Дальше ничего не помню... Как там Саша? – жалобно спросил Валек. – Она знает, где я?

– Само собой. Переживает очень, – на ходу сочинил Алик. – Сказала, что сегодня обязательно к тебе придет...

– Правда? – просиял больной.

– Зуб даю! – не подумав, заявил Алик.

– Ты уже давал зуб, – кисло посмотрел на него Валек. – Сказал, что Саша моя... Без зубов остался... Потому что она не моя...

– Но к тебе в больницу точно придет.

А не захочет – заставим, мысленно добавил Алик.

Даже если бы он не выставил на кон свой зуб, он все равно бы пошел к Сашке – пристыдить ее, отправить в больницу проведать пострадавшего из-за нее парня.

– Ты только не расстраивайся, брат, все будет в порядке.

Выздоровливай, – поднимаясь со стула, сказал Эрик. – И завтра нас жди.

Алик также попрощался с раненым другом до завтра и вышел за дверь. В коридоре на кушетке у входа в палату сидел милицейский сержант. Вид у него как у работяги, только что узнавшего, что его на целый год лишили премии. Скучно ему в больнице, тоскливо, запах лекарств и карболки действует на нервы, но делать нечего – есть приказ охранять больного, будь добр, сиди здесь и не рыпайся.

– Хорошо, что Катька твоя подсуетилась, – уже на улице сказал Эрик. – Если он Игорька видел, ему без охраны нельзя...

– И без Сашки тоже, – отозвался Алик.

– Надо решить вопрос. Сам пойдешь к ней или вместе?

– Сам. Мои зубы, мне и отвечать...

– Ну, как знаешь.

Эрик совсем не расстроился, что к Сашке Алик отправился без него. Похоже, его угнетала ситуация, сложившаяся вокруг Валька, хотя он и делал вид, что в кровь готов разбиться ради друга.

Сашка жила на первом этаже, в квартире за дверью с изрезанной ножом дерматиновой обивкой. Заляпанная краской кнопка намертво утонула в нише звонка, и жать на нее было бесполезным занятием. Поэтому Алик просто постучал в дверь. Его не волновало, дома Сашкина мать или нет: не на свидание же он пришел к ее дочери.

Но дома не было и самой Сашки. Сколько Алик ни стучался к ней, а дверь все не открывалась. В конце концов ему надоело это бесполезное занятие, и он вышел из темноты подъезда на улицу.

Яркий свет стоящего в зените солнца больно резанул по глазам, привыкшим к темноте подъезда, и Алик сослепу едва не врезался в идущую навстречу девушку.

– Ты чего на людей кидаешься? – насмешливо спросила Сашка, с интересом глядя на него.

– Считай, наехал, – улыбнулся он.

Глаза быстро перестроились на свет, и он мог любоваться ею. Прическа, макияж, под белой блузкой из искусственного шелка угадываются темные пятнышки неприкрытых лифчиком сосков, короткая джинсовая юбка, открытые, без колготок ноги.

– Это еще за что? – ничуть не расстроилась она.

– А за то, что к Вальку не ходишь!

– А-а... – сникла Сашка.

Ее черные, удлиненные тушью ресницы опустились как траурные флаги, но скорбь не омрачила ее взгляд.

– Он в больнице, еле живой.

– Да я знаю...

– Ты бы сходила к нему.

– Зачем?

Пожав плечами, она медленно и плавно обогнула Алика, вошла в подъезд.

– Ну, как зачем? – удивленно протянул он. – Он любит тебя, страдает...

– Мы с ним уже все обсудили, – на ходу сказала она. – Он все понял...

– Что он понял? Что ты не любишь его? – не отступался он.

– Да.

Она ключом отомкнула замок, широко распахнула дверь – жестом руки показала, что Алик может пройти в квартиру. Отказываться он не стал, поскольку нужно было довести дело до логического, а если точнее, победного конца. Сашка сегодня же должна была навестить Вальку, или он перестанет уважать себя. А это куда страшней, чем остаться без зубов.

В квартире пахло сыростью и старой тухлявой мебелью. Вроде бы и чистенько внутри, но убого даже по сравнению с тем, к чему привык Алик у себя дома. Раньше здесь жила Сашкина бабушка, и после ее смерти ничего нового здесь, видимо, не появилось. За исключением разве что жильцов. Одна только Сашка своим девичьим обаянием наполняла этот дом светом и благодатью. И глядя на нее, Алик чувствовал, что здесь ему нравится больше, чем в богатом доме у опостылевшей Катки.

– Когда ты сказала, что не любишь его? – спросил он.

– Ну, сказала, – пожала плечами Сашка.

– Это еще было до того, как твой Игорек в него выстрелил?

– Во-первых, он не мой. А во-вторых, кто тебе сказал, что в него Игорь стрелял?

Сашка подошла к плите, сняла с нее пустую турку, набрала в нее воды. Даже не спрашивает, будет он пить кофе или нет. Настоящая хозяйка. Грамотная, заботливая... А какая сексуальная!

Она стояла боком к Алику, и ее грудь просвечивала на солнце сквозь шелк. Кухонька маленькая, и ему стоило только протянуть руку, чтобы прикоснуться к этим упруго-высоким и таким манящим выпуклостям.

– Валек сказал, – сглотнув слюну, кивнул Алик. – Он своими глазами видел этого урода.

– Значит, он не обманул. Значит, он действительно бандит, – непонятно, то ли с восторгом, то ли, напротив, с осуждением сказала Сашка. И немного подумав, более эмоциональным голосом добавила: – И урод, это верно!

– Игорек еще свое получит, – сказал он. – Но дело не в том. Валек из-за тебя пострадал...

– Из-за меня? – удивленно глянула на него Сашка. – Разве я просила его спасти меня от Игоря? Я его ни о чем не просила, он сам в это дело влез...

– И что, тебе его несколько не жалко?

– Жалко у пчелки... Но если серьезно, конечно, жаль. Он забавный малый, с ним интересно, но я его не люблю. И не хочу его обнадеживать... Я бы даже сказала, это преступно с моей стороны – давать ему надежду. Мы никогда не будем

с ним вместе...

– Но ты могла бы просто подыграть ему...

Алик должен был думать о раненом друге, о том, как облегчить ему страдания, но мысли назойливыми бабочками порхали вокруг Сашки, пальчиками расстегивали пуговицы на ее блузке, змейками лезли к ней под юбку...

– Как подыграть? – насмешливо и с кокетливой улыбкой на губах сказала она.

– Ну, хотя бы просто прийти к нему в больницу, сказать... Ну, скажи, что ценишь дружбу с ним...

– Дружбу?! Ты предлагаешь мне дружбу с ним?

– Я предлагаю?! – оторопело посмотрел на нее Алик.

– Ты что, не хочешь, чтобы я его любила?

– Я не хочу?! Кто тебе такое сказал?

– А что, хочешь? – пристально и с обескураживающей улыбкой смотрела на него девушка. – Хочешь, чтобы я вышла за него замуж, спала с ним?

– Э-э... Ну, это ваше дело, спать вместе или нет, – еще больше смутился он.

– Да?

Она потушила огонь под туркой, вышла из кухни, как будто случайно коснувшись грудью его плеча. Неуверенным движением руки поманила его за собой.

Сашка сквозняком прошла через маленькую гостиную, главную ценность которой представлял древний, пахнущий старым лаком буфет. Алик последовал за ней в спальню,

где обнаружил вполне современную двуспальную кровать – обычных размеров, но тем не менее занимающую чуть ли не две трети площади. Сашка с ходу легла на нее поверх покрывала, повернулась на бок, подставив под голову левую руку, правой же охлопала свободное место рядом с собой. Дескать, присаживайся, а если хватит смелости, то можешь и прилечь.

От волнения у Алика пересохло во рту, а в ушах зашумела кровь. Ему пришлось сделать физическое усилие, чтобы согнуть онемевшие вдруг колени и просто сесть рядом с девушкой, которая при всей своей фривольности не выглядела легкой добычей.

– Вот каждый вечер я буду расстилать кровать, раздеваться догола, ложиться на спину, а твой Валек будет ласкать меня, целовать... Ты этого хочешь? – с провокационным ехидством спросила она.

– Э-э, не знаю, – теленком промычал он.

Ласковое журчание девичьего голоса заворожило его, интимная обстановка взбудоражила разум, запах ее тела возбуждал плоть.

– Не знаешь, – сквозь чувственный туман в глазах улыбнулась Сашка. – А я знаю... Не хочешь ты этого. Ты сам хочешь лежать рядом со мной... Или нет?

– Э-э... Хочу!

– Тогда почему ты сидишь?

– Э-э...

Девушка хотела, чтобы он лег. Похоже, она вообще хоте-

ла... Осознав это, Алик разволновался так, что тело отказалось вдруг повиноваться ему. Он чувствовал себя сидящим истуканом, уложить которого могло только физическое вмешательство извне.

– А что за девушка была с тобой? – не без ревности спросила Сашка.

– Какая девушка? – не понял он.

– Ну, которая тебя к зубнику водила.

– Ну, Катька... У нее мамаша стоматолог...

– Значит, с мамой тебя знакомила... И как прошло знакомство?

Сашка так и лежала на боку, подперев голову ладошкой. Свободной рукой она поглаживала себя по голой коленке – то ли это было ей приятно, то ли она просто не знала, чем себя занять.

– Нормально! – Алик в улыбке показал ей свои зубы.

– Да уж, неплохо... Но если бы не я, тебе бы не пришлось ходить к стоматологу. Не было бы Игоря, не было бы этого ужаса...

– Это ты к чему?

– К тому, что я твой злой рок, а эта Катька – добрый. Или нет?

– Ну, она хорошая...

– А я плохая?

– Я этого не говорил... Просто хотел сказать, что Катька...

Он собирался объяснить Сашке, как опостылела ему Кать-

ка, но та ладошкой закрыла ему рот.

– А ты не говори про нее. И про меня молчи... С тобой мне хочется быть плохой девчонкой. Но мы об этом помолчим, ладно?

Сашка потянулась к нему, отняла ладошку от его рта и тут же накрыла его жаркими, но в то же время свежими, будто с прохлады, губами. Ощущение головокружительное – как будто малину горстями ешь, но при этом пьянеешь и сходишь с ума от прилива крови.

Это было то самое вмешательство извне, которое и уложило его на спину. Сашка прилипла к нему как пиявка. Целовалась она жадно, как будто в последний раз, тело извивалось и дрожало от возбуждения. Никак не думал Алик, что она на такое способна.

Она ошарашила его своей прытью, опрокинула в состояние полной растерянности. Первое время он плыл как безвольное бревно по ее течению, и лишь после того, как она сама сняла с него рубашку, до него дошло, что ему дозволено полакомиться сочными ягодками с ее груди. А пуговицы на ее блузке расстегивались легко и просто...

Сашка лишь тихонько постанывала, когда он теребил пальцами затвердевшие маковки на ее упругих куполах. Но стоило ему слегка ущипнуть ее губами за шею, она заревела в голос – настолько сильным оказалось ощущение... Он прочно завладел инициативой. Насколько прочно, что легко взял последнюю преграду на своем пути. Последнюю и про-

питанную горячими соками женской радости... Сказать, что это было окрыляющее чувство, значило не сказать ничего. Алик ощущал себя реактивной ракетой, несущейся на сверхзвуковой скорости сквозь жаркие, скользкие и тугие облака к цели. Вот-вот он должен был взорваться, но это его не пугало. Он бы не смог и не захотел остановиться, даже если бы это стоило ему жизни.

А цель уже совсем близко. Еще чуть-чуть, и его ракета разлетится на мелкие куски. Но Сашка уже сама объята пламенем, ее тело трясется и вибрирует, как будто внутри его лопнул паровой котел... Они взорвались разом, а их обломки потом еще долго падали на бrenную землю.

Первой собрала себя в целое Сашка.

– Ты, наверное, думаешь, что я блядь? – глядя в потолок, спросила она.

– Да нет, – вяло качнул головой Алик.

Мысль о ее моральном облике нисколько не волновала его. Шлюха она или нет – какая разница? Главное, что с ней чертовски здорово. Катьке до нее далеко, как домашней кошке до дикой львицы.

– Что нет, если да... А мне все равно, что ты обо мне думаешь. Все равно я скоро уеду...

– Куда?

– В Москву... У меня отец там живет. Школу закончу – и тю-тю. В театральное хочу поступить. И даже мать меня не остановит... Даже мать, слышишь? А ты говоришь, Валек...

Он, конечно, славный парень, но ты должен понять, что мы не пара...

– А мы с тобой?

– А как ты сам думаешь? – закрыв глаза, спросила она.

– Ну, мне показалось, что тебе понравилось...

– Понравилось? – завороченно улыбнулась Сашка. – Не то слово... Я, конечно, догадывалась, что с тобой будет очень-очень, но не думала, что настолько...

– У тебя есть с кем сравнивать?

– Я же говорю, что ты держишь меня за шлюху, – невесело отозвалась она. – Мне, конечно, все равно. И все же... Был у меня один, еще в прошлом году, когда я в Москве жила. Прошлым летом... Отец и мать развелись, им не до меня было, а он меня в Крым увез, мы там целый месяц отдыхали... Думала, умру от любви. Ничего, выжила... И не нужен он мне... Козел!

Сашка так разволновалась, что, похоже, забыла, с кем лежит в постели. Порывисто повернулась к Алику спиной, как будто он был предметом ее прошлогоднего обожания... Похоже, она любила своего козла не меньше, чем ненавидела.

– Злая любовь? – немного выждав, спросил он.

Она резко повернулась к нему и уставилась на него с таким видом, будто не ожидала его здесь увидеть. И вопрос «Кто ты такой?» едва не соскочил с ее языка.

– Это ты о чем? – опомнившись, спросила она.

– Ну, помнишь, ты говорила, что не любишь Игорька. По-

тому что он козел...

– Игорек? – пренебрежительно хмыкнула она. – Игорек ни на что не способен... Ни с кем после Альберта я не была. И не хотела. А тут этот... Слабак он. Во всех отношениях слабак... Ты не такой. Ты настоящий. Хотя и молодой совсем.

– Уж постарше тебя.

– На сколько старше, на год? Альберту тридцать, а Игорю двадцать два...

– Ну, тогда я пойду, если я такой молодой! – обиженно заявил Алик.

– Иди, – равнодушно пожала плечами Сашка.

– Как это – иди? – еще больше завелся он. – Тебе что, все равно, уйду я или останусь?

– Ты мне нравишься, – приподнявшись на локте, ласково посмотрела на него девушка. – Но мне действительно все равно.

– Почему?

– Потому что я тебя не люблю... То есть не смогу полюбить. Даже если захочу, не смогу... Здесь, в Петрополе, только мое тело, а душа моя там, в Москве. Там мое прошлое, там мое будущее...

– И Альберт тоже там, – съязвил он.

– И Альберт тоже там, – эхом отозвалась она.

– К нему хочешь?

– Он женился, у него жена... Любил меня, а женился на этой... А еще подругой называлась, – ее взгляд подернул-

ся горькой дымкой воспоминания. – Я потому и согласилась уехать сюда, чтобы забыть его... Хотела забыть, а не получается... С Игорем отомстить ему согласилась... С ним согласилась, а с тобой сама захотела... Ты очень классный. И красивый, и сильный... Представляю, как твоя Катька трясется за тобой...

– Плевать мне на Катьку. Мне с тобой в кайф.

– Ну, кайфуй, если хочешь! – поощрительно улыбнулась Сашка.

– Я-то хочу... А у тебя Альберт на уме.

– Поверь, к нам он в постель из моего ума не выпрыгнет.

– Не знаю, не знаю... У меня такое ощущение, будто ты меня использовала.

– Да?.. У меня, признаться, такая же к тебе претензия. Ты же меня не любишь. Значит, ты просто меня поимел... Давай не будем выяснять отношения! – умоляюще посмотрела на него Сашка. – Тебе со мной хорошо, мне – с тобой, зачем нам ссориться?

– Ну да, мне с тобой хорошо... – в горячем раздумье кивнул он. – И ссориться с тобой я не хочу... Но как-то неправильно все. Если бы по любви, а так... Так нечестно выходит. И мерзко...

– Тебе со мной мерзко? – недоуменно уставилась на него Сашка.

Возмущение сожгло в ее крови весь кислород, и поэтому она жадно хватанула ртом воздух.

– Нет, меня тошнит от самого себя... Мы с тобой здесь, а Валеk в больнице...

Только сейчас во всей своей полноте до него дошло, какую подлость по отношению к своему другу он совершил. Валеk смертным боем дрался с Игорем за то, что он был с Сашкой. Он едва жизнью не поплатился за свою любовь, о чем, похоже, ничуть не жалеет. Сашка для него больше чем все. Знал бы он, с кем она и как сейчас проводит время. С кем она мстит какому-то там Альберту и вместе с тем получает удовольствие.

– Если хочешь, я завтра приду к нему, – без насилия над собой сказала она.

– И что ты ему скажешь? – напрягся он.

– Что спала с тобой, – с рассеянным ехидством усмехнулась она.

– Только попробуй!

– Что, страшно?.. Нет, конечно, не скажу, я же не тварь какая-то...

– Зато я тварь, – сквозь зубы процедил Алик.

– Переспал с девушкой закадычного друга. Мне тебя не понять.

– Почему? – отрешенно, погруженный в мрачные думы, спросил он.

– Хотя бы потому, что я не спала с девушкой своего друга... И с парнем своей подруги... Потому что Лелька – бывшая подруга. И спит с Альбертом... Не будем об этом...

– Мне уже пора! – Алик решительно оторвал голову от подушки, но на ноги так и не встал.

Хоть он и подлец, но уходить от Сашки ему совсем не хотелось.

– Если ты думаешь, что нас может застукать мама, то не переживай, ее сегодня не будет...

– Точно? – спохватился он.

Ее мама действительно могла помешать им. Более того, она еще могла поднять шум. Что, если во дворе узнают, как он проводил время с возлюбленной Валька?..

– Точнее не бывает... Но если тебя совесть мучает, держать тебя я не буду.

– Мучает.

– Тогда иди.

– А толку? Все равно это уже было.

– Значит, договорился, – насмешливо глянула на него Сашка.

– С кем договорился, с тобой? – не понял он.

– Нет, со своей совестью... Только не подумай, я тебя ни в чем не упрекаю... И ты меня ни в чем не упрекай, ладно?

Алик не ответил. Он предал друга, и эта мысль так расстроила его, что ноги, казалось, онемели. Он хотел уйти, но боялся упасть, поднимаясь... Или это всего лишь отговорка перед самим собой, чтобы не уходить от Сашки. Шлюха она или нет, но ему с ней хорошо. К тому же дома небезопасно: Катька могла нагрязнеть к нему в любой момент, а ему вовсе

не улыбалось развлекать и убажывать ее.

– Или все-таки упрекаешь? – не дождавшись ответа, дрогнувшим голосом спросила она.

– Тебе же все равно?

– Ну, может быть, не совсем все равно. Люблю я тебя или нет, но я хочу, чтобы ты относился ко мне хорошо...

– Ты – классная девчонка.

– И лучше, чем я, у тебя никого и никогда не было, – с хитрецей в белозубой улыбке заявила она.

– Ты откуда знаешь? – вяло удивился Алик.

Он хоть и пользовался успехом у девчонок, но первую женщину познал только в семнадцать лет. До этого была всего лишь дружба с намеком на любовь. Юлька, Танька... С ними, кроме поцелуев, у него ничего не было. И только в колхозе на практике он сошелся с одной нарядчицей, тридцатилетней вдовой с огромными буферами. Правда, было у них только раз, поскольку на повторный круг он заходить отказался. Приехал домой, попытался проделать то же самое с Танькой, но получил по рукам. Потом в его жизни появилась юная, но некрасивая Тонька, которая позволила ему все. Затем была Ритка, такая же толстая и глупая... Катька по сравнению с ними была хороша настолько, насколько Сашка превосходила ее саму...

– А я самая-самая! – задорно и как бы в шутку рассмеялась девушка.

– И я самый-самый, – в тон ей сказал он.

– Да? Ну, тогда докажи!

Она легла на спину, раскинув руки в стороны, в блаженной улыбке закрыла глаза. Казалось, она ждала чуда, и Алик обязан был его сотворить. Но сможет ли он...

Он смог. И Сашка снова бесконтрольно застонала под ним. Они оба так увлеклись, что не заметили, как в прихожей послышался шум, раздались голоса.

– Ты куда? – крикнула какая-то женщина.

Только тогда Сашка, опомнившись, соскочила с него. Но было уже поздно. Дверь в комнату распахнулась, и на пороге возникла Катька. Алик смотрел на нее, как на молнию среди ясного неба. Она не могла здесь появиться. Это противоречило всем законам природы и общества. Но ведь она появилась! И в презрительной улыбке разочарованно кривила губы.

– А ну, пошла отсюда!

На сцене театра абсурда появилось новое действующее лицо. Это была Сашкина мама, сухощавая симпатичная женщина лет сорока. Она схватила Катьку за плечо, потянула на себя. Та сопротивляться не стала и, в паническом отчаянии махнув на Алика рукой, бросилась прочь из дома. Увы, но Сашкина мама не стала преследовать ее и обратила свой гневный взор на него самого.

– Ты кто такой? – истерично возопила она. – Что ты здесь делаешь?

Алик мог бы сказать, что в доме жарко, поэтому они с ее

дочерью и разделись догола. А секса, конечно же, не было – хотя бы потому, что это потное занятие, неуместное в душевной комнате. Но, во-первых, это было как минимум глупо. А во-вторых, шквал эмоций намертво припечатал язык к небу, и он, пожалуй, мог сейчас только мычать.

– Мама, я тебе сейчас все объясню! – накрыв его простыней, взбудораженно сказала Сашка.

– Конечно же, объяснишь! А он пусть убирается!

Женщина вышла из комнаты, и Алик скатился с постели, судорожно поднял с пола брюки, в спешке стал одеваться.

– Да, попали, – схватила за голову Сашка.

– Может, мне с ней поговорить? – нашелся он. – Сказать, что мы любим друг друга, что хотим пожениться...

– Не надо врать, я уж как-нибудь сама, – мотнула она головой.

Ее мама сидела на диване, приложив ладонь ко лбу. Алик прошмыгнул мимо нее, спрятав глаза. Ощущение было таким, будто через костер на Масленицу неудачно перепрыгнул – задницу крепко обжег.

Он не стал догонять Катьку, оправдываться перед ней. Что случилось, то случилось. Если сможет, простит, если нет, пусть убирается к черту... Он ушел домой, закрылся на балконе, лег на раскладушку, обхватив голову руками... Все-таки надо было догнать Катьку, уговорить ее, чтобы никому ничего не рассказывала. А то ведь узнает Валек, на ком она его застукала...

Но Катька может и не догадаться, как отомстить ему за измену. А так, если он скажет, чего боится, она со зла обязательно растрезвонит на всю ивановскую...

Да и не так уж важно, узнает Валек о его предательстве или нет. Хуже всего, что оно уже свершилось. И Алик понимал, что нет ему прощения...

Глава 6

На мрачный корпус больницы Игорь смотрел с мрачной насмешкой. Где-то недалеко, в березовой рощице, за грядой сиреневых кустов скрывался морг. Смерть для этих мест – явление, можно сказать, обыденное. Так что гибель еще одного пациента не станет для врачей трагическим событием.

Он и сам на время стал врачом. Белый халат, шапочка, в руках железный ящичек серого цвета с красным крестом.

– Это ты не хило придумал, – ухмыльнулся Серый. – Борода как у доктора Айболита, ля.

Он заметно нервничал, но усердно пытался это скрыть.

– Ты знаешь, когда я был маленьким, все хотел, чтобы меня лечил доктор Айболит, – подхватил Костяка.

До сих пор он был старшим их боевого экипажа. В принципе, в порядке субординации ничего не изменилось: он так и оставался звеньевым. Но в плане личных взаимоотношений все было уже несколько по-другому. Серый пока еще неосознанно восхищался Игорем, Костяка ему завидовал. И все потому, что Дымыч дал и того, и другого ему в помощь. Игорь был киллером, центральным звеном в их короткой цепи, а Костяка и Серый всего лишь на подхвате...

– А когда повзрослел, хотел, чтобы меня лечила медсестра.

– Ну, у меня точно так же было, – сжато хихикнул Се-

рый. – Раньше хотелось, чтобы Дед Мороз желания исполнял, а сейчас мне больше нравится, когда это делает Снегурочка...

– Деда Мороза вам не обещаю, – с важным видом изрек Игорь.

Он положил чемоданчик себе на колени, открыл его, достал оттуда «ГТ» с накрученным глушителем, внушительно передернул затвор. Костяка закусил губу. Похоже, он и сам был не прочь оказаться на его месте. Но ему еще никто никого не заказывал, поэтому он чувствовал себя ущербным... Да и не факт, что Костяка смог бы убить человека. Не простое это дело, не каждый на это способен. А Игорь найдет в себе смелость нажать на спуск. Поэтому Вячик с Мироничем выделили его. Пока это, правда, выглядело как искупление своей вины, но Игорь уже точно знал, что в случае успеха место штатного киллера в бригаде Дымыча ему гарантировано. А может, сам Вячик возьмет его к себе в свиту, а это уже совсем другой уровень, и деньги на порядок выше – иномарку можно себе купить, а затем и квартиру...

– Доктор Смерть к вашим услугам, – любясь произведенным на парней впечатлением, снисходительно сказал он. – Но я не советую вам у него лечиться.

– Да нет, я уж лучше с медсестрой, – протянул Серый, замороженно глядя на него.

– Ты этого давай пролечи, – с завистливым недовольством буркнул Костяка. – А то лясы точить все мы тут мастера...

– Не переживай, сделаю в лучшем виде...

Для большей маскировки Игорь надел на нос очки со слабыми линзами. Оправил рукой накладную бороду, чтобы не пропустить какой огрех, надел белые резиновые перчатки, после чего вышел из машины.

Вечер, время – половина девятого. Погода ясная, теплая – во дворе на лавочках больные и посетители. Но для Игоря это не помеха. Он врач «Скорой помощи», он идет по делу, и никто не вправе его остановить.

Игорь спокойно поднялся на третий этаж, зашел в хирургическое отделение, где должен был лежать Валентин Лепехин. Разведка донесла, в какой палате он находится... За столом сидела и читала книгу медсестра. Заметив его, подняла было руку, чтобы остановить, но, увидев белый халат и шапочку, снова погрузилась в чтение. Все правильно, меньше вникаешь – больше свободного времени.

Но медсестра, как оказалось, была не единственным препятствием на пути к цели. Чуть дальше Игорь увидел парня в милицейской форме. Он сидел на кушетке возле палаты и зевал в полный рот. А охранял он дверь с номером, за которым и должен был находиться терпила. Вот о ментовском poste Игоря не предупредили. Или он был нерегулярным, или его только что установили.

Так или иначе, он прошел мимо мента, свернул за открытую дверь туалета в конце коридора. Здесь невыносимо воняло хлоркой, может, потому голову отравила безрассудная

мысль – убить и мента, и жертву. Ведь Игорь должен был сделать это любой ценой... Он открыл было свой чемоданчик, чтобы достать пистолет, но все же передумал. Глупо идти на крайние меры, когда еще есть время – целых четыре дня в запасе. Обмозговать ситуацию, придумать, как грамотно обойти ментовской пост. Не бывает безвыходных ситуаций, есть только нежелание искать мудрое решение – так, кажется, говорил начальник их заставы.

Из туалета Игорь выходил с твердым убеждением вернуться в машину несолоно хлебавши. И плевать, что Костяка будет злорадствовать и подначивать... Но мента возле палаты уже не было. В паре с кем-то из своих коллег, в сопровождении медсестры, он покидал отделение. К тому времени, как Игорь подошел к восемнадцатой палате, все трое уже скрылись из виду. Или покурить вышли, или пост сняли вообще – в любом случае время у Игоря было.

Он решительно взялся за ручку, распахнул дверь и стремительно зашел в палату. Скользнул взглядом по лежащему в койке толстяку, раскрыл чемоданчик, достал оттуда готовый к бою пистолет, не медля, наставил его на жертву.

Лепехин от изумления открыл рот, глядя на черную дырочку в глушителе. Он понял, что сейчас его убьют, но вряд ли он узнал в убийце Игоря.

Можно было объяснить ему, кто и за что наказывает его. Но настоящие киллеры не треплются, перед тем как выстрелить. Именно поэтому Игорь сразу же нажал на спусковой

крючок.

Негромкий пшик приглушенного выстрела, металлический стук затворной рамы. Пуля попала толстяку в правый глаз, а это верная смерть. И все же Игорь произвел контрольный выстрел. И снова в голову...

Дело сделано. Он бросил пистолет в ноги покойнику, решительным шагом вышел из палаты, крепко затворил за собой дверь. В коридоре тишина – ни ментов, ни медсестры, как будто так и должно было быть.

С медсестрой Игорь столкнулся в вестибюле с выходом на парадную лестницу.

– Э-э... Извините, а можно спросить, – растерянно начала было она.

– Можно, – Игорь невозмутимо поднял руку, чтобы глянуть на часы. – Но не сейчас. Я очень спешу, давайте завтра.

– А-а... А кто вы?

– Завтра, завтра, – на ходу бросил он и быстрым, хотя и неторопливым шагом вышел из вестибюля.

Преследовать его медсестра не решилась, и он беспрепятственно спустился в больничный двор, с которого как раз выезжал милицейский «уазик». Как же вовремя менты сняли свой пост. Это не просто удача, это благословение сверху. Или снизу?..

Ломать голову над превратностями райских небес и адских глубин он не стал. Внешне спокойно прошел к машине, где ждали его друзья-напарники, там стянул с себя перчат-

ки, руки под которыми запотели так, что хлюпало. Приток свежего воздуха приятно освежил мокрую и горячую кожу – даже настроение приподнялось.

– Ну что? – выехав на дорогу, спросил Костяка.

– А ты угадай, – снисходительно усмехнулся Игорь.

Кумом королю он себя, может, и не чувствовал, но сват министру – это про него.

– Точно сделал?

– Две пули в голову, как ты думаешь?

– Круто! – восторженно протянул Серый.

– Что круто? – ревниво скривился Костяка. – Он всего лишь косяк свой загладил...

– Ну не знаю, все равно круто...

Костяка понял, что Серого не переубедить, и, махнув на него рукой, снова взялся за Игоря.

– Тебя кто-нибудь видел?

– Как стрелял, нет. А так – мент и медсестра.

– Это плохо... Мент?! – как ужаленный вскинулся звеньевой. – Какой мент?!

– А который терпилу охранял... Ты с ним в сговоре был, да? – с виду невозмутимо, но, по сути, безжалостно наехал на него Игорь.

– Кто, я?! С ментом?!

– Но ты же к Лепехину мосты наводил, ты про него спрашивал. Ты что – не знал, что палата охраняется?

– Не-а, не знал, – с риском взболтать жидкие мозги в го-

голь-моголь мотнул головой Костяка. – В регистратуре не говорили. Сказали только, что палата восемнадцать.

– Сказали... – передразнил его Игорь. – А в отделение подняться слабо было?

– Ну, светиться лишний раз не хотел... А то, что я с ментами в сговоре был, это ты зря! – напыжился звеньевой. – За такой базар и ответить можно.

– А это Дымычу решать, отвечать мне или нет, – с пренебрежением к нему хмыкнул Игорь.

– Ты что, про мента ему скажешь?

– Само собой. Пусть разбор устраивает, пусть сам решает, хотел ты меня подставить или нет...

– Э-э, ты чо, пацан, какие подставы! – задергался Костяка. – Ты хоть соображай, что несешь!

– Мое дело маленькое. Скажут на спусковой нажать – нажму. Не скажут – живи...

– Ты чо, в натуре, я здесь ни при чем! Братан, ты Дымычу про мента не должен говорить!..

Игорь надменно усмехнулся. Совсем недавно он смотрел в рот звеньевому, а сейчас тот готов был целовать ему ноги, чтобы снискать его милость.

– Как не должен? А если я этого мента наглухо сделал? Должен же я был как-то к терпиле подойти.

– Ты... Ты что, мента завалил? – запаниковал Костяка.

– А если завалил, то что? Страшно стало? А ведь ты в сговоре со мной был? Его кровь и на тебе тоже!

– Эй, ты чего? Я никого не убивал, – окончательно сдулся звеньевой.

– А ты, Серый? Ты тоже на дело ходил. Тебе не страшно?

– Да я чо, я ничего, – отозвался парень.

Ему тоже было не по себе, но, в отличие от Костяки, па-ника не трясла его за шиворот.

– Я знал, на что шел... А ты что, правда мента завалил?

– Да нет, можешь спать спокойно. Мент сам ушел... А так бы завалил, даже не сомневайся...

– Круто!

На этот раз Костяка даже не пытался принизить роль Игора. Он уже покорно смотрел на него, го-товый подчиняться, лишь бы тот не довел дело до греха.

– Не буду я про мента говорить, – смилостивился Игорь. – Не было его, и все. Мы же одна команда, да, пацаны?

– Даже не вопрос! – выдрессированно отозвался Костяка.

– Ну, тогда все хоккеей... Устал я что-то, подремать бы чашок-другой...

– Может, лучше по бабам? – предложил Серый.

– А финансы?

– Поют романсы...

– Ничего, может, скоро с бабками без проблем будет, – размечтался Игорь.

Глядишь, в скором времени он станет самым крутым киллером в команде Вячика и Мирона. Сегодня один заказ исполнил, завтра другой... И Серый с ним будет, на подхвате.

А Костяку придется задвигать. Кишка у него тонка, чтобы крутые дела делать...

По пути к ресторану, где ждал их Дымыч, Игорь избавился от халата и бороды. Умылся, привел себя в порядок и только после этого подал себя бригадиру под соусом собственного достоинства.

– Это хорошо, что ты терпилу сделал. А точно нигде не засветился? – с сомнением спросил Дымыч.

– Сестра меня видела, но у меня борода, очки... Не опознает...

– А если опознает?

– Удавку на шею, и все дела.

– А сможешь набросить удавку?

– Запросто, – ничуть не сомневаясь в себе, кивнул Игорь.

– Ну тогда, брат, далеко пойдешь. Если не остановят...

– Не остановят.

– М-да, уверенность в нашем деле значит мно-го... – в раздумье проговорил бригадир. – А дело наше правое, типа того... Ладно, завтра конкретно узнаем, как ты терпилу сделал. Если наглухо, тогда живи и радуйся, если нет, на второй круг пойдешь... то есть на третий... А пока на слово тебе поверим...

Дымыч вышел из ресторанный кабинета, где принимал Игоря, вернулся минут через пять, метнул на стол несколько пятидесятидолларовых купюр – как будто на карточный кон их ставил.

– Только не думай, что это гонорар. Ты терпилу за свой косяк уработал. А это чисто стресс снять... Адресок я дам, банька там конкретная, поляну с пацанами накроете – из кабака жратву возьмете. Ну а девочек вам подвезут, я распоряжусь...

Вскоре после этого разговора Серый восторженными воплями оглашал помещения сауны, расположенной на территории крупной торговой базы. Банька действительно была построена и оборудована с размахом – ясно, что для высокопоставленных гостей из обкомов, райкомов, прокуратуры, ОБХСС. Сейчас же она чуть ли не целиком была отдана на откуп черняховской братве. Одно только это показывало, кто в Петрополе хозяин...

Серый занялся сауной – растопил каменку, чтобы нагнать жар в парилку. Игорь накрыл стол в трапезной – балычок, икорка, окорока, фрукты, овощи. Шампанское, коньяк, водка...

– Девчонки любят марафет, но жить не могут без конфет, – пропел Костяка, глядя, как он выкладывает на стол коробку «Птичьего молока».

Сам он сидел с видом короля на именинах. Вернее, пытался держаться по-барски развязно. Но, похоже, он чувствовал, что нет у него больше власти ни над Игорем, ни над Серым, и это делало его старания тщетными, а манеры скованными.

– Я знаю, что такое марафет, – с плохо скрытой насмешкой сказал Игорь. – У одних это наркота, у других – поря-

док... Надо нам здесь навести марафет, а то полы грязные... Девочки же любят марафет?

– Не царское это дело, – опустив глаза, но с претензией на свою исключительность произнес Костяка.

– Ну-ну.

Игорь не стал его подгонять. Накрыл стол, отправился к бассейну, возле которого уже хозяйничал Серый. Впечатляющая площадь – метров тридцать как минимум, вода чистая, комнатной температуры.

– Угодил, Дымыч, базара нет, – широко улыбнулся Серый.

– Если нас поднимут, нам такая лафа как с добрым утром будет.

– А поднимут?

– А это уже от нас зависит. Один шаг мы уже сделали... Еще пару-тройку козлов завалим, и нам цены не будет... Ну, я так думаю... Пошли водки выпьем, а то что-то на душе тошно...

Игорю не казалось зазорным исполнять убийственные приказы своих боссов. Тем более что ему хотелось признания и возвышения. И еще ему нравилось быть крутым, а кто еще мог так внушать страх и уважение, как не киллер... И все равно на душе скребли кошки. Не тем он делом занялся, не тем...

Вернувшись в трапезную, он увидел, как Костяка моет пол.

– Знаешь, я тут подумал, действительно грязно, – сму-

ценно, в оправдание сказал тот. – Перед девчонками будет неудобно...

Игорь лишь усмехнулся в ус. Уважает его Костяка и боится. Все правильно, ведь он по-настоящему крут... Настроение приподнялось, но потребность выпить не исчезла.

Он уже был хорошо под градусом, когда в сауну пожаловали гости. Игорь ждал девочек в надежде хорошо поразвлечься, но трапезная неожиданно и шумно наполнилась крепкими парнями в серых пиджаках. Он и понять ничего не успел, как оказался на полу с заломленными за спину руками. Сначала его плотно обыскали, затем на запястьях защелкнулись стальные браслеты наручников. Только тогда его вернули на место, и он тут же попал в прицел злобно-торжествующего взгляда.

– Ну что, Игорь Васильевич, допрыгался? – спросил грозного вида парень лет двадцати пяти.

Массивный лоб, крупные надбровья, нос как слива, и без того тонкие губы совсем терялись в зловещей улыбке.

– Я не понял, это что, наезд? – Игорь мотнул головой так, будто пытался прогнать ночной кошмар.

– Нет, гражданин Веткин, это не наезд. Это арест!..

Парень достал из кармана красные с золотым тиснением корочки, раскрыл их.

– Капитан Багрицкий, оперуполномоченный уголовного розыска.

Игорь заметил, что трапезная опустела. В его компании

остались только два мента, остальные, видимо, занялись Костякой и Серым. Помещений в сауне много: моечная с бассейном, бильярдная, массажная, было где прессовать арестантов.

– Ну и что дальше? – дрогнувшим от волнения голосом спросил Игорь.

– А дальше ты нам расскажешь, как убивал гражданина Лепехина.

– Это ты о чем, капитан?

– Ты мне здесь тупого не лепи, не надо! Сам прекрасно знаешь, о чем речь! Мы тебя давно уже пасем, Веткин. И видели, как ты сегодня в больницу приходил, как в палату к Лепехину заходил, как выходил... Явку с повинной тебе не обещаю, но чистосердечное признание ты еще можешь написать. Получишь десять лет, отсидишь, дальше жить будешь. А так ведь под расстрельную статью пойдешь, намажут лоб зеленкой и привет... Ну, так что, Веткин, сознаваться будем?

– Да я бы сознался, только не знаю в чем.

– В убийстве гражданина Лепехина.

– Не знаю такого.

– Веткин, ты, наверное, не понимаешь, в какой ситуации оказался! – расвирепел опер.

Взгляд потемнел, злобный прищур еще больше сузился, желваки на скулах вздулись, как пузыри на голове квакающей жабы.

– Так я тебе сейчас все подробно объясню!.. Мы – уголов-

ный розыск, понимаешь? Уголовный розыск, а не какая-то там прокуратура. Нам по барабану, будут тебя судить или нет. Наше дело – преступника найти, а доживет ли он до суда или нет, нас это совершенно не волнует. Нам главное палку срубить, а там хоть не расцветай... Теперь понял?

– Если честно, не очень.

– Ну ты тормоз, Веткин!.. Мы нашли убийцу Лепехина. Это ты! И нам наплевать, что будет с тобой дальше!.. Коля, ну объясни ты этому барану! – обратившись к своему напарнику, всплеснул руками Багрицкий.

– Мы сейчас пристрелим тебя, Веткин, и скажем, что сделали это при попытке к бегству. А нам все равно зачет поставят, – с кислой ухмылкой сказал кряжистый паренек с целым созвездием родинок на правой щеке. – Еще и премию выплатят, в двойном размере – за раскрытое дело и за вредность.

– Ты слышишь, Веткин! – люто возликовал капитан. – За вредность премию дадут! За то, что тебя, козла, прямо здесь кончим. А зарплаты у нас маленькие. Это вы тут на икре жируете, а мы хлеб маслом намазать не можем...

– А меня ваши проблемы не парят!

– Ну, все, Веткин, ты меня достал! – Багрицкий сунул руку под полу пиджака, выдернул оттуда табельный «макаров», передернул затворную раму и приставил ствол к голове Игоря. – Считаю до трех, гнида! Кто Лепехина убил? Раз!.. Два!..

– Не знаю!

– Три!

Игорь зажмурился в ожидании выстрела, но вместо пули в его лоб врезалась рукоять пистолета. На какое-то время он потерял сознание. А когда очнулся, сквозь колыхающее-ся марево перед глазами увидел направленный на него ствол пистолета.

– Это было предупреждение! – как будто откуда-то изда- лека искаженно донесся до него свирепый голос Багрицко- го. – Кто убил Лепехина?

– Не знаю...

Игорь понимал, что с ним не шутят. И его действительно могли убить прямо здесь, в трапезной злочной сауны. Колесо сознания готово было катиться под уклон навстречу капиту- ляции, но как будто кто-то сунул под него чугунный стопор- ный «башмак». Он хотел сохранить свою жизнь, но не мог заставить себя признаться в убийстве толстяка Лепехина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.